

МАРК ХАБИНСКИЙ

*Хмель ударил мне
в старую голову...*

МАРК ХАБИНСКИЙ

*Хмель ударил мне
в старую голову...*

*Стихи разных лет:
лирика, исповедальные раздумья об утратах,
полемическая публицистика,
юмор и сарказм,
похвальба и эпатаж*

Киев
Журнал «Радуга»
2008

ББК 84.4УКР=РОС
X12

*В книгу отобраны стихи разных лет,
зачастую кардинально переработанные автором,
а иногда сохранённые в первоначальном виде:
лирика, исповедальные раздумья об утратах,
полемическая публицистика, юмор и сарказм,
похвальба и эпатаж*

ISBN 978-966-8325-85-4

© Марк Хабинский, 2008.
© Журнал «Радуга», 2008

ПЕРЕКЛИЧКА ЧЕРЕЗ ПОЛВЕКА И ТЫСЯЧИ КИЛОМЕТРОВ

Нет ничего скучнее и труднее, чем писать предисловия. Во всяком случае — для меня. Но иногда приходится. Попробую сделать попури из предисловий к прежним книгам. Хотелось бы начать с самокритики. Да одна вдумчивая знакомая сказала мне: «Не говорите о себе плохо. Другие это сделают лучше». Последую умному совету. Стихи должны сами за себя говорить. А в них немало самоиронии и эпатажа. Я немолод, минувшей осенью мне исполнилось семьдесят семь. Как все мои друзья-ровесники, пережил мучительную ломку верований. Но... почему-то остался вопреки логике наивным человеком. И — скептиком. Атеист, верю в единственную религию — любовь, а также порядочность надёжных друзей. Оттого после многих трагических утрат и потрясений бываю, порой, поразительно счастлив. И даже иногда стыжусь этого. Бывает, мои стихи и проза находят живой отклик в родственных душах читателей и слушателей, чему искренне радуюсь. Да не обольщаюсь удачами, потому что не раз обманывался в своих надеждах и ожиданиях, разочаровывался в новых знакомых. Знаю и тех, кто не подводил ни разу. Остальное — просто несущественное и мелочно суетное.

В предлагаемых стихотворениях — моя судьба, переживания, память о дорогих мне людях. О биографии и книгах автора можно узнать в короткой справке — послесловии к сборнику. Но хочу сразу кое-что добавить. Недавно меня неожиданно пригласили прислать краткую биографию и снимок... куда бы, вы думали? В редакцию энциклопедии «Россия». Там уже утвердили предстоящую публикацию. Право, не знаю, чем заслужил такое внимание. Впрочем, отрекомендуюсь. Я — член Конгресса литераторов Украины с февраля

2006-го, автор семи книг стихов и прозы. Новая книга — восьмая по счёту. Смолоду печатал стихи во всеоюзных журналах, альманахах и газетах Москвы и Ленинграда, республиканских — Киева и Харькова, областных — Донецка. А за последние годы трижды был в числе победителей международных поэтических турниров в Дюссельдорфе (Германия). Эти ежегодные состязания русскоязычных стихотворцев собирают под свои «знамёна» — девизы сотни и даже тысячи поэтов — профессионалов и любителей из многих стран Европы, Азии, Северной Америки, Австралии. Они живут в России, Украине и Белоруссии, Германии, Голландии, Австрии, США, Канаде, Израиле и других странах.

Надо ли раскручивать колесо Фортуны? — этот странный вопрос иногда задаю самому себе. Зачем суета сочинителю стихов и прозы, известному среди ограниченного контингента читателей и слушателей, точнее, контингентных беженцев, а также старых друзей, знакомых и незнакомых доброжелателей? «Раскрутка» для меня бессмысленна. По профессии я — журналист, с юности поэт-лирик и юморист. В зрелые и преклонные годы — прозаик и стихотворец, считал себя любителем, ни в какие нынешние писательские союзы вступать не пытался. Но когда позвали в Конгресс литераторов Украины, откликнулся по взаимности чувств и воззрений. А смолоду упорно пробивался, печатал стихи в столичных журналах и газетах. Издал в СССР поэтический сборник и две повести. В эмиграции выпустил пять книг. Можно бы условно разделить мой литературный труд в бывшем Союзе, а потом в Германии, на два неравных по времени тайма футбольного матча. В них состязаются две «команды» — произведения, написанные смолоду, и сочинения преклонного возраста. Общий счёт — 3: 5 в пользу ФРГ. А перерыв между таймами в смысле творческого молчания невероятно велик — 30 лет! За это время я и не пытался «забить гол», ни разу не посылал в редакции или издательства стихи и прозу, продолжая бесцензурное сочинительство.

В молодости встречал прекрасных, талантливых людей. Мне благоволил признанный на Украине и любимый публикой поэт Борис Палийчук, редактор республиканского журнала. В своих воспо-

минаниях Александр Твардовский признавал его равным себе товарищем по творческим возможностям, описывая совместную работу обоих над прообразом Василия Тёркина во фронтовой газете. Мне и поныне дороги изящная лёгкость и простота слога Бориса Дмитриевича, особенно — его пронзительные стихи военной поры. Доброжелательным и строгим наставником был Николай Ушаков. Его теперь величают классиком, а я в юности этого не понимал, мало знал великолепных стихов бесспорного мастера, они были нелегальными, уступив место в тогдашних книжках и публикациях дозволенной поэзии. Официозная пресса числила Николая Николаевича опальным автором-«формалистом».

Довелось мне слушать в Киеве искренние, врезающиеся в память выступления блистательного Виктора Платоновича Некрасова, однажды — в довольно узком кругу. Да я не осмелился лично знакомиться с ним — знаменитостью громадного масштаба, сомневался: нужно ли показывать ранние стихи крупному прозаику? Дружил с доброжелательным украинским сатириком-лауреатом Степаном Олейником, истинным одесситом по биографическим корням, мудрым насмешником, мастером импровизаций о всяких смешных бывальщинах. Всерьёз расхвалил мою... басню на республиканском совещании молодых литераторов Украины — Михайло Стельмах, руководитель секции поэзии, лауреат Ленинской премии. Доверительно и круто говорил у себя дома со мной, приезжим молодым газетчиком из Донбасса, да и напечатал мои стихи в Московском издании Ярослава Смеляков. Видный прозаик Сергей Антонов тепло отозвался о моей первой повести. Его письмо, адресованное мне, до сих пор бережно храню... В 50-60 годы Сергея Антонова называли «советским Чеховым»... В Мюнхене я познакомился с Борисом Хазановым, он хорошо оценил мои юмористические рассказы. Его многие (и я тоже) считают одним из крупнейших прозаиков современности.

Жизнь в эмиграции заново всколыхнула меня. В пенсионном возрасте отпала изнурительная журналистская подёнщина. После затяжного перерыва начал печатать новые стихи и прозу — в русскоязычной прессе ФРГ, потянулся к литературным выступлениям перед публикой, находил в тех встречах сочувственный отклик. У

собратьев-эмигрантов так много схожих переживаний и проблем. За последние годы ко мне почтой пришли десятка полтора приметных книг, где напечатаны подборки моих стихов. Они что — сами в двери постучали? Да, пожалуй. По осени, а такова ныне пора моей жизни, не только цыплят считают, но, бывает, и — книги. Вот, пожалуй, самая престижная, своеобразная капитальная энциклопедия — Антология «Киев. Русская поэзия. XX век» (составитель — известный поэт Юрий Каплан). В ней — созвездие громких имён, (не знаю, кого упомянуть в первую очередь). Назову Нобелевских лауреатов Ивана Бунина, Бориса Пастернака, а также Анну Ахматову, Осипа Мандельштама, Николая Гумилёва, Самуила Маршака, Илью Эренбурга, Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского...

В такой компании ощущаю своё скромное место, радуюсь, погружаясь в это море глубокой поэзии. А буквально накануне выхода в свет моего нового сборника узнал, что в Киеве издана новая Антология «Украина. Русская поэзия. XX век», где представлен и я. Она — втрое объёмистее вышеупомянутого фолианта, в ней соседствуют стихи почти восьмисот авторов, в том числе — и самых блистательных. Дорог и трогателен для меня сборник — «Бабий Яр в сердце», напечатанный в столице Украины к 60-летию трагедии, унесшей жизни полутора ста тысяч евреев, среди них была и моя бабушка Циля Городина. Я годами не ведал об этой книге, не знал, каким образом попала в тот траурный венок и моя лента. Там напечатан начальный, полузабытый мною вариант стихотворения «Так что ж мы за люди?» А в окончательном виде эти стихи опубликованы в моих сборниках, изданных в ФРГ. Старый товарищ принёс тот набросок в редакцию, я волею судьбы и случая оказался в книге, словно в скорбном карауле среди классиков русской и украинской поэзии.

...До сих пор я — заядлый велосипедист, нередко делаю рейсы километров на 50. Знакомые подтрунивают: можно бы и в книгу Гиннеса записать. Да не гожусь, знаю людей постарше, наездников на двухколёсных машинах. Такие поездки для меня — счастливая иллюзия молодости, быстроты и лёгкости движения. И — неожиданно впервые попал в Антологию по приглашению талантливой, (иные называют её гениальной), поэтессы, ныне покойной Ольги Бешен-

ковской. Она написала мне: «Спасибо за «велосипедные» стихи. Они — о многом, обо всей нашей жизни, безукоризненно сделаны. Это — законченный цикл, представляющий автора куда больше, чем он сам думает»... А уж затем, словно по инерции набранного разгона, я стал участником ещё трёх престижных Антологий, напечатанных в Петербурге и Киеве.

По мне, впору ориентироваться не на суетную случайную удачу, а на мудрые мысли отшельников. Борис Чичибабин, мой земляк, житель Харькова, говаривал: «Поэту не нужна большая аудитория». Он не выступал на стадионах, полагал, что дороги лишь ценители, родственные души. Кстати, Борис Алексеевич двадцать лет не печатал стихов, сочинял для себя. Я не провожу аналогий, боже упаси. Но у меня перерыв был дольше. А Николай Николаевич Ушаков утверждал: «Чем продолжительней молчанье, тем удивительнее речь»...

Однажды дотошный интервьюер поинтересовался, каков мой любимый праздник? Праздников на самом деле не так уж много в жизни. Ну, а главный из них — это, когда у близких родных и друзей всё благополучно. Желаю читателям добра и счастья.

АВТОР

Мюнхен, январь 2008-го

Полемическая, трагическая и грустная публицистика

Прости, Украина

ПРЕДИСЛОВИЕ-ИСПОВЕДЬ

Я был твоим добрым, насмешливым сыном,
А сделал полезного — шиш...
Прости, Украина, прости Украина,
Да ты всё равно не простишь.

Судьбы моей солнце — к закату низенько...
Я грозною силой влеком...
Поверь, я любил и люблю тебя, Ненько,
И всё-таки был чужаком.

Я не был шахтёром и пахарем не был,
И вовсе не строил дома.
Но здесь я сроднился с землёю и небом
Всей силой души и ума.

Я был журналистом, но не знаменитым.
Бесчисленна пишущих рать...
Держался вдали от надменной элиты
И очень старался не врать.

Восторгом эпоха меня оевала.
Была моя жизнь, как аврал.
Но, если начальство меня исправляло,
Я всё-таки, всё-таки врал.

Случалось бывать мне отчаянно-стойким.
Любым приключениям рад,
Я в шахты спускался, мотался по стройкам,
Искал беззаветных ребят,

Которые станут отважно под знамя,
Кого увлекала борьба.
Какими же были мы все простаками
И как насмеялась судьба!

Известно: бередишь ушедшее снова —
Накличешь губительный шквал.
...Ах, в сердце вошла мне певучая мова,
А песен отцов я не знал.

Я часто стыдился назваться евреем...
Но, ложную робость презрев,
Я снова и снова от счастья бледнею
Под милый еврейский напев.

И что в этом странного, добрые люди?
Мне русская удаль близка.
Свои не простят, а чужие осудят
Такого, как я, чудака.

Со многими дружен я был я недружен,
Моя дорогая страна.
Боюсь, что тебе я нисколько не нужен,
А ты мне до боли нужна!

Ты мне не всегда раскрывала объятия,
И виделся гневный оскал...
Я знал: украинцы и русские — братья,
И плохо тебя понимал.

А ты накопила обиды и гордость
Могучей Руси вперекор
И вдруг обнажила хохлацкую твёрдость
Да жёстко ведешь разговор.

А мне это видеть и странно, и больно,
Когда между близкими — рознь.
С меня уж политики тонкой довольно,
Коль я — обруселый насквозь.

Вся жизнь моя, кажется, — дальнее эхо...
Не зря ли растрачен мой пыл?
Теперь далеко-далеко я уехал,
Но я про тебя не забыл.

Народ украинский, простой и великий,
Ушёл ты от русских теперь.
А я вот на свете живу двуязыкий,
Но я — не двуликий, поверь.

Какое мне дело — зима или лето
Согреет, остудит ли кровь?
Я знаю, бывает любовь без ответа,
Но неистребима любовь.

Я прожил мой век, а следов не оставил...
Я видел и взлёт, и развал...
Прости, Украина. Простит ли Израиль,
Где я никогда не бывал?

Август 2000

Неукротимый правдоносец

Памяти Михаила Ульянова

Властный голос сквозь пушечный грохот
Прорывается в наши сердца...
Неуклонно уходит эпоха,
И утратам не видно конца.

Отшумели военные годы,
Перешли ветераны в запас.
Невозвратные эти уходы...
И заменят ли лучших из вас?

Веет порох из времени жуткого...
И в глазах и ушах — грозный шквал.
Гениального маршала Жукова
Гениально Ульянов сыграл.

Он не брался за роли предателей.
С исступлённым сияньем очей
Беззаветно сыграл председателя
И обычных достойных людей.

Столько раз на экране их видели —
Там, где взрывы, пальба, блиндажи.
И для Родины эти спасители
Стали совестью нашей души.

30 марта 2007

Пекло разверзлось

Тупорылая бомба с разгона снижается криво.
Словно солнечный шар, рухнул купол слепящего света.

Грибовидная чёрная туча разрыва
Поднялась, как поганка, над целой планетой.

Ветер взвыл, напоённый невиданным зноем
И отравую ядерной невыносимой —
Над сиреневым морем, над жёлтой землёю,
Над раздавленным городом — Хиросимой.

А для солнца тот взрыв, как микроб человеческой злобы.
И в масштабах Вселенной нисколько не страшен
Этот жалкий грибок небывалой хворобы,
Занесённый на землю родимую нашу.

Но в одном будут схожи два огненных шара,
И на миг вспышка солнцу покажется равной:
Полыхнёт миллионами градусов жара,
Превращая в пары и металлы, и камни.

Так неужто засеет просторы губительный стронций,
И по мёртвой пустыне покатаются тяжкие танки?
Засвети, человеческий гений, прекрасное юное солнце,
Выжигая в зародыше споры смертельной поганки!

1960 — 6 августа 2007

Редактору «моего» журнала

*Незабвенному
Борису Дмитриевичу Палийчуку*

Принесу к вам рукопись, бывало.
Вижу, что некстати мой визит.
Вы, читая, щуритесь устало
И у вас довольно хмурый вид.

Вам куда-то надо торопиться...
Только я уже заметить смог,
Как скользнул по дрогнувшим ресницам
Любопытства лёгкий ветерок...

А когда случались неудачи,
Вы возились, как отец, со мной...
И любил я вас за нрав горячий
И характер твёрдый, фронтовой!

...Укоряли горькими словами
За мои невольные грехи.
И вставали вдруг перед глазами
Ваши откровенные стихи.

Вяло отвагою и славой,
Порохом окопного огня...
А перед талантливою правдой
Оправданий нету у меня.

Что ж, за те былые нагоняи
Я обиды свёл давно к нулю.
Помню, дорожу и уважаю.
Как поэта, попросту люблю!

1952 – 2007

Запоздалая благодарность

Памяти Ольги Бешенковской

Я – ваших стихов почитатель.
Да жили-то мы вдалеке.
Как слушатель или читатель
Внимал вашей каждой строке.

О, как глубина потрясала
И удали дерзкий порыв!
А знал я вас, в сущности, мало:
Признаю, глаза опустил.

Смягчишь ли изысканной лестью
Поэзии гневной черты?
Вы были гремучею смесью
Иронии и доброты!

И, пошлость грома беспощадно,
Себе наживали врагов,
И зависть к фигуре громадной,
И ненависть дураков...

А стали кумиром для многих...
Набатом призывно звеня,
В обложки иных Антологий
Вы властно «втолкнули» меня.

Деревьев не видно за лесом...
Всех знали вы наперечёт:
Стихи молодой поэтессы —
Покойной, духовной, известной
Издали за собственный счёт.

Затравленная злословьем
И смертной болезнью своей,
Печатали вы предисловье
Для книжки недавней моей.

И дело ж не в том, что я лично
Сердечно признателен вам,
А в том, что для всех безгранично
Ваш дар ослепительный дан!

Как длилось прозрение долго!
Такой уж я тяжелодум.
Поверьте, люблю я вас, Ольга,
За гордость, отвагу и ум!

За яркий талант беспредельный
И взлёт гениальной души.
О, все восхваленья бесцельны.
И поздно мы все «хороши»...

Я — ваш ученик. И, признаться,
Своей не стыжусь седины.
Моложе вы лет на семнадцать,
Семнадцать мгновений весны!

Октябрь 2007

Ноябрьская вьюга

Снова — жёлтая, грустная вьюга
Опадающей вялой листвы..
Я в ней вижу пропавшего друга.
Обращаюсь тревожно «на вы».

Мой-то велик, шутя, перегонит
По асфальту шуршащий поток.
Чем-то сердце шальное он тронет..
Дам я ветру — разбега урок!

Ах, и сам я теперь опадаю,
Мну колёсами мягко листву.
Я и сам стариком доживаю,
Да отчаянно, лихо живу!

Мне отмерено счастья однажды...
Горя выдано невпроворот.
Полон я необузданной жажды —
Рваться неукротимо вперёд.

Цель — ничто. Эту истину знаю.
Неуклюжий я идеалист.
О, простор, упоенье без края!
Веет смертною нежностью лист...

Пусть фатально грядут перемены...
Не по мне — угасающий свет.
Желтизна — цвет постыдной измены
И продажности лживых газет.

А в душе зарождается ярость:
Не желаю безрадостно тлеть.
Прочь с дороги, постылая старость,
Мне бы искрами вихря сгореть!

4 ноября 2007

Фронтовичка

Л. Ц.

В пять лет уже была ты фронтовичкой —
От сорок первого и до конца войны.
И в госпитале стала певчей птичкой,
А раненым так соловьи нужны.

И перед ними танцевала кроха,
Выделявала трогательно па...
Куражилась безумная эпоха —
Фашистская тупая шантрапа...

Твой папа — по медтехнике начальник,
А мама — умный и красивый военврач.
Дочь видела их — строгих и печальных
И понимала: тут — беда, хоть плачь, не плачь...

Алели кровью командиров ромбы.
Да бинт краснел, от муки трудно сох...
А рядом рвались вражеские бомбы
И заглушали хрупкий голосок.

Твой брат грудной, осколками прошитый,
В вагоне на глазах сестры погиб.
В чужой земле лежит, навек зарытый...
И замирал девчонки тихий всхлип.

В детсадике не став питомцем группы,
Невольно ангелом-хранителем росла.
И повидала в жизни столько трупов,
Что просто чудом уцелела среди зла.

Ручонками не бралась за винтовку...
В сырых землянках и окопах ты жила ...
И всё же боевую подготовку
Ты стойко вынесла и доблестно прошла!

...Мартены наливались грозным жаром.
В ночи, пылая, плавилась броня.
И лаборантка возле сталеваров —
Десятилетиями на линии огня.

Октябрь 2006

Вечер. Мост над автострадой...

Эти фары ошалелые,
Воспалённые, опасные —
Набегающие белые,
Убегающие — красные.

О, стада автомобильные,
В обе стороны снующие!
На дороге вы — всеильные,
Под мостом, как скот, ревущие...

Новой странной аллегории
Удивляюсь, как открытию.
Будто вопреки истории
Смысл открылся по наитию.

Не разбито ль под ударами
Красной армии оборванной
Войско белое с гусарами,
С офицерами холёными?

Осенён догадкой смелою,
Вижу ныне: дело ясное —
Атакующие белые,
Отступающие красные.

На мосту, на возвышении,
Стоя в позе повелителя,
Понимаю, сквозь сомнения,
Современные события.

Повернула вспять история
С миллионами растерзанных.
Обернулось фарсом горе и
Высота разверзлась бездною.

Июль 2006

Прости за то, что я посмел подумать...

Простодушная ересь

Понимаю, это — просто ересь,
Да она пришлась мне по нутру..
Бесшабашно жил, тайком надеясь,
Что вот я-то лично не умру.

Глупо получается, не скрою.
Ни к чему заносчивая прыть.
Что уж тут хитрить с самим собою?
О, судьбину не перехитрить.

Ну, а всё ж — хоть рви меня на части,
Остаюсь нелепым чудаком.
Лучше слепо верить в жизнь и счастье,
Чем нудиться пресным пошляком!

Сентябрь 2005

Вопросы без ответа

Как же так? Я всё привык тебе рассказывать..
Как же так? Ты всё умела понимать..
Что ж теперь? На память узелки завязывать?
Что ж теперь? На шее узел завязать?

Никого не стану я расспрашивать.
Сам искать ответы не готов.
Что ж теперь? Гирлянды пёстрых слов раскрашивать?
Да цветы у гроба ярче всяких слов.

7 октября 2005

Непрощённый

Беда фатально неотвратима,
Бьёт по-предательски, ни за что.
Я пережил и отца, и сына,
А дух святой для меня — никто.

Я незнаком был с истинной верой.
Блуждал впотьмах, не видя ни зги.
Воздай мне, Господи, полной мерой!
Лишь самых близких мне — береги.

Октябрь 2005

* * *

Путь к свету тёмн и переменчив.
И вот он — безысходный финал:
Терял я редких любимых женщин,
А после них других не искал.

В лицо мне вечность холодом веет.
Пуст и запущен родимый дом.
Куда уж быть мне ещё святее?
А всё равно я грешен кругом.

Ноябрь 2005

* * *

Я лаконичность любил не очень:
Мне всё хотелось бы досказать...
Теперь же стал писать покороче —
Да, просто нету сил — продолжать!

Декабрь 2005

Безысходность?

Живу я одиноко и угрюмо.
И тягостен отшельника покой...
Прости за то, что я посмел подумать
И помечтать о женщине другой.

Ты вся — во мне. Хоть кайся, хоть терзайся!
А ты ушла навеки в мир иной
И тихо шепчешь: «Ах, и не пытайся
Забывать, забыть меня, мой дорогой»...

«Не надо пошлости, греха не надо», -
Сказала ты, когда сходились мы.
Наверно, будешь ты ревниво рада,
Что выше я придиричивой молвы.

Нет, не ищу я мимолётной страсти —
Разгульного, угарного огня...
Но, если стану я спокойно счастлив,
Возможно, всё же ты простишь меня?

26 марта 2006

Не оборвана тонкая ниточка...

Не оборвана тонкая ниточка...
В чём же стойкости этой секрет?
Ах, как жаль, моя милая Виточка,
Я-то жив, а тебя уже нет.

Ива грустная клонится горестно...
Вместе с нею ищу я ответ:
Почему мне так больно и совестно?
Я-то жив, а тебя уже нет.

Не ищу я эффектной красоты —
Что мне жемчуг, алмаз, самоцвет?
Не прошу ни пощады, ни милости.
Я-то жив, а тебя уже нет.

И, как прежде, как прежде, неистово
Вдаль гоню я мой велосипед.
Нету мне ни уюта, ни пристани...
Я-то жив, а тебя уже нет.

И, внезапной охваченный думою,
Понял я — мне оказана честь:
О тебе неотступно я думаю,
Значит, где-то со мною ты есть!

2 июня 2006

* * *

Не любил я недостойных женщин.
Все они бывали хороши.
Я же — неуклюж и переменчив,
Человек мятущейся души.

Нелегко любимой быть со мною,
Был я перед каждой виноват.
И стою с повинной головою,
Каюсь перед ними невпопад.

Ах, ушли любимые из жизни...
Да и сам-то чудом уцелел.
Опоздал я на иные тризны
И кляню трагический удел.

До сих пор у милых я во власти,
И поныне благодарен всем
Я — за незаслуженное счастье...
Перед ними потрясённо нем.

27 января 2007

* * *

Не смягчайте чужие грехи!
И не правьте без спросу стихи,
Суть их мрачную не смягчайте.
Верю, люди не так уж плохи.
Вы им лучшими стать пожелайте.

Да, впадаем в отчаянный раж,
Да, бываем несправедливы...
Но враждебен стихам макияж —
Сладко приторный или лживый!

Не ищите в поэте врага
И попробуйте зорко всмотреться,
Ибо истина нам дорога —
Очистительная для сердца!

11 ноября 2007

Эй, старость дряблая, не ссутулься!

Лучше трудно, чем нудно...

Лучше трудно, чем нудно.
Лучше грусть, чем тоска.
А чем пить беспробудно,
Лучше — редко, слегка...

Если выхода нету
И надежды — ничуть,
Бесполезных советов
Я давать не хочу.

Я и сам-то — немудрый,
Не учитель — для вас...
Лучше лысины — кудри!
Лучше водка, чем квас!

12 апреля 2006

Пожалуй, рано ставить точку...

Пожалуй, рано ставить точку
В цепочке непрерывных бед.
Я получил пока отсрочку
Как призывник в нездешний свет.

Не милостью военкомата...
Не справкой доброго врача...
А безо всяческого блата
Дал из больницы стрекача.

Не как солдат, что к бою рвётся,
И не, как пьяница, — в кабак...
На воле веселей живётся.
Я жить хочу. Вот просто так!

14 апреля 2006

Эй, старость дряблая, не ссутулься!

Эй, старость дряблая, не ссутулься!
Поверьте правде те, кто не лжив...
А я от смерти увернулся!
А я опять — здоров и жив.

Какая маленькая победа!
Какой рисковый, весёлый труд...
Опять колёса велосипеда
На колеснице меня везут!

Вей, ветерок, с речного простора,
Чтобы прохладой скулы свело.
Ещё не скоро, ещё не скоро
Оставлю, видно, моё седло.

18 апреля 2006

Встреча однокашников

Выговариваю трудновато...
Ошалел от застолья я.
Нас осталось мало, ребята,
Переженимся все, друзья!

Приосаньтесь, вдовцы и вдовы,
Скиньте этак полсотни лет.
Мы душой, как прежде, здоровы!
Нам, товарищи, сносу нет.

Помню юности трели птички,
Соловьиные вечера...
Где румянец ланит девичьих?
Где ж ты, молодости пора?

Не оттуда ли наша удаль
И любовь студенческих лет?
Ах, не диво ли, ах, не чудо ль
Стойкой преданности секрет?

Нам — под восемьдесят, ребята,
А душою всё те же мы.
Я люблю вас, сёстры и братья,
И навеки мы все равны —

Рядовые и генералы,
Мы — бывалые отставники,
Пережили бедствий немало,
И закалены, как штыки!

Знаю, нравственные, по сути,
Вы-то веровали в добро,
Не вникали в таинства мути,
Что мошенничала хитро.

Эти подлости презирая,
Мы за правду ходили в бой.
Юность честная, дорогая,
Преклоняюсь пред тобой!

Иногда я был виноватым —
Ваш ровесник, чудака-простак...
Вы простите, меня, ребята,
Если что-то делал не так.

29 января 2007

Хмель ударил мне в старую голову...

Хмель ударил мне в старую голову —
Удалая и дерзкая статья...
Это — третья, последняя молодость,
Ах, четвёртую бы повидать!

О, как бедами сердце изношено!
В нём здоровья осталось чуть-чуть...
По тропинке, снежком запорошенной,
Пролагаю колёсный мой путь.

Он — не крестный, нисколько не медленный...
Резво едет мой велосипед —
Он весёлой пружиной заведенный,
Скрипа старческого в нём нет.

Оттого мне, бродяге, так радостно,
Что в пути забываю печаль.
И сурово, нисколько не благостно
Манит снова безвестная даль.

Не нужны мне ни слава, ни почести,
Ни оркестра гремящая медь.
Есть отрада в моём одиночестве —
Мне не страшно ничуть умереть.

Прочь отрину я помыслы грешные.
На беду — им подвержены мы.
И мне чудятся запахи вешние
В свежем ветре студёной зимы.

3 июня 2006

Полон я неистраченной нежности...

Полон я неистраченной нежности.
Прочь гоню равнодушие и сплин.
И ноздрями ловлю запах свежести
За тебя, мой недоживший сын.

А сады пахнут вишнями, сливами...
Ветер ласковой стал и теплей.
И люблюсь людьми я красивыми,
Чем-то схожими с милой моей.

Ах, неправда, что нет её более!
Растворилась она среди нас...
Оттого и не чувствую боли я:
Близок встречи волнующий час.

Доброте и страданию внемлю я,
Пробуждаясь от мрачного сна.
Обнимаю родимую землю я,
Что и горя, и счастья полна.

23 июня 2006

Поделюсь желаньем сокровенным ...

Поделюсь желаньем сокровенным —
С явной безнадёгой не в ладу:
Лучше, чем терзаться телом бранным,
Вдребезги разбиться на ходу!

Нет, я — не сторонник эвтаназий,
А за милосердие к больным.
Только мне уйти позвольте сразу,
И оставить место молодым.

Не хочу я ни родных, ни близких
На года уходом загружать.
Лучше залпом выпить рюмку виски,
Чем микстуры кислые глотать!

25 июня 2006

В день Победы

Сегодня великая, грозная дата —
Уместен торжественный слог.
...Про страшную правду спросите солдата,
Про вёрсты военных дорог.

По мне, прорицаний спесивых — не надо...
И где он — пророк или Бог?
Огромная ложь и великая правда,
Как мудрые змеи, сегодня и завтра
Сплетутся в опасный клубок...

Хотелось сказать бы весомо и ярко
О тех, кого помнить должны,
И молча поднять поминальную чарку
За павших героев войны.

9 мая 2006

Ох, уж эти «перестройки»!

Не люблю я слово: «перестройка» —
Жизни и проложенных дорог..
Нам уже наобещали столько,
Развалив державу, видит Бог.

Я — старик плебейской категории.
Где я мог опровергать враньё?
Горбачёв «воззвал», вошёл в историю.
Ну, а мы? Да влипли мы в неё!

Оттого теперь живу в Германии.
Не на что в Союзе стало жить.
Ох, уж та реформ великих мания —
Заурядность и непонимание:
Как на двух свиней корм разделить?

Немцы — перестраивать охочие
Улицы, дороги и мосты.
Трудятся прилежные рабочие
Для надёжности и чистоты.

Все мои дороги перекопаны —
Как бурлак, тащу велосипед..
Мимо ям пешком послушно топаю,
Чертыхаюсь, как зловредный дед.

Признаюсь в моей привычной косности:
Поздно переделывать себя.
Не постигну инженерной сложности,
Свой обычный прежний путь любя.

Но зато дорожное покрытие
Станет безупречным, знаю я.
Перестройка эта — не событие,
Здесь она, - как здравый смысл житья.

Знаю, что приезжего нахлебником
Почитает коренной народ.
Мне б — работать, сделаться волшебником
И скостить, кряхтя, за годом год.

Старость не считаю тяжким горем я.
В книге жизни я — не звёздочёт,
Оттого, что просто влип в историю
И попал в серьёзный переплёт!

10 июня 2006

* * *

Я когда-нибудь умру по плану,
Лягу в деревянную кровать...
Жёстко там. Я повернусь и встану:
«Дайте мне в седле погарцевать!»

Кину наземь, на фиг, крышку гроба.
Ахнет панихида. И под гул
Гикну я: «Эй, вы! Смотрите в оба:
Как бы дочь гусар не умыкнул!»

10 июня 2006

Не внесут моё имя в скрижали...

Нет, не внесут моё имя в скрижали.
И ни к чему горделивая прыть.
Только хочу, чтоб меня уважали,
Если уж не за что полюбить.

Пускай счастливые слёзы нависнут,
Туманя свет прекрасных очей.
Я рад стихи сочинять бескорыстно
Ради доброго слова людей.

Знаю, кто друг мой и кто — заступник.
Конечно, — не цензор и не Главлит.
Поэт «ради денег» — просто преступник,
Не понимает сам, что творит.

Не станем молиться и кланяться в ножки
Спесивым идолам многим.
А стих броневой пробьётся в обложки
Престижнейших Антологий!

12 июня 2006

Исповедь наездника

Порою, нас привлекают блёсны,
Чей блеск похож на живой огонь...
Я — не двуногий, а двухколёсный,
Почти кентавр, человеко-конь.

Железный друг мой — вроде наживки...
Он — колокольный призывный звон.
Из наслаждений, страстных и пылких,
Его всегда предпочту бутылке —
Одной любви уступает он.

Даль голубая бродягу манит —
Велосипедная зовёт езда.
Меня ни в чём она не обманет...
Разочарует ли? Никогда!

О, как мне нравится быть наивным,
Мальчишкой слыть, (прадедушка я).
Век упивался бы неизбывно
Разгоном лёгких колёс, друзья!

5 августа 2006

Бойцовская гордыня

Я, возможно, — лукавый притворщик
И общительный... анахорет.
Я — бесхитростный «заговорщик».
И прозаик. И вроде поэт.

Быть хорошим и добрым намерен,
Дико вспыльчив, бессмысленно груб.
О, застенчив и высокомерен.
И умён? Но рассеян и... глуп.

Эй, вы, умники! Станьте в шеренгу!
Я — комвзвода. И строя — знаток.
Может, спляшем, ребята, фламенко?
И — вприсядку под грохот сапог?

Наглотайтесь просёлочной пыли —
Сразу вспомните пудру и вальс.
Вы, я вижу, совсем приуныли.
Шагом — арш! И направо — р-равняйся!

23 августа 2006

Маленький человек

Памяти М. Генина

Из орудий большого калибра
Человечность громили не раз...
Как эпоха его не зашибла?
Знать, попал он не в бровь ей, а в глаз.

Потрясения и перемены
Раздробили бетон и гранит.
Горбачёв Миша согнан со сцены.
Миша Генин на сцене стоит!

Он совсем не боится — ни капли!
Смотрит с мягкой улыбкой вперёд,
Как наивно смешной — Чарли Чаплин,
Бескорыстный, как Дон-Кихот.

Ах, мудрец, друг мой грустно-лукавый...
Добр и мил, а насмешками жжёт.
Весь он, словно великий и малый,
И живучий еврейский народ!

Время веет тревожной грозой,
Порождая сомненья и страх.
... А Давид замахнулся пращой,
И повержен гигант Голиаф.

1996

ПОЭТИЧЕСКИЕ ТУРНИРЫ

Конкурс в Мюнхене на строку А. С. Пушкина: «Москва. Как много в этом звуке для сердца русского слилось...»

Вместо эпиграфа — стихи Евгения Евтушенко:

*Я люблю этот город за то, что
Он такой, какой есть, не иной.
И за то, что он учит жестоко,
А не цацкается со мной.*

*За шальные его суматохи,
За живое его естество,
За Мещанки и Самотёки
И за Красную площадь его.*

*Молодым городским Святогором
Подарить я любимой готов
Разноцветный букет светофоров —
Запылённых московских цветов.*

Первопрестольная — не чужая

Москва. Как много в этом звуке
В душе нерусского слилось!
Как много в ней отозвалось —
Победы, счастье, горе, муки...

* * *

Сбитый с толку: виновен ли, прав ли,
Отбивался я от тумачков...
Спас меня от разнузданной травли
Мой кумир — Ярослав Смеляков,
Защитил от писак- босяков...

В бой удалый, где стенка на стенку,
Он водил беззаветную рать...
Я и Женю люблю Евтушенко,
Хоть ему на меня наплевать.

Повезло мне — в журналах центральных
Отыскались поэты-друзья.
От нападков провинциальных
Щит столичных изданий — броня.

Наше прошлое кровью омыто.
Оттого я, наверно, живу.
Всё простил бы я антисемиту,
Что погиб, защищая Москву.

Мы, мальчишки еврейские, сроду
Не забудем отчаянный год:
Нас прикрыл от фашистского сброда
Богатырский российский народ.

Слёз людских океан — не измерить...
А столица родная жива.
Ах, слезам мне так хочется верить!
Да не верит плаксивым Москва.

Ну, а я верю ей безоглядно.
Атеист, за неё помолюсь.
Мне, поверьте, светло и отрадно,
Что сильна и несломлена Русь!

Сентябрь 2006

Мятежники

Конкурсное стихотворение на строку Николая Гумилёва «Нет конца весёлым переменам»

«Свежим ветром снова сердце пьяно»
Рыцаря ... А, может, Дон Жуана?
«Нет конца весёлым переменам,
Нет конца обетам и изменам».
Это всё простительно герою,
Ставшем для Ахматовой судьбою.

Да и мне, прадедусшке-бродяге,
Хочется хлебнуть пьянящей браги.
Лихо езжу на велосипеде
Под раскаты оркестровой меди,
Что поёт в душе, не умолкая,
Милым колокольчиком Валдая.

Не угнаться мне за быстрым ветром,
Хоть заезд — полсотни километров.
Мне в заезде ночью светят звёзды.
Напоён отвагой свежий воздух.
Встречный ветер выдувает слёзы.
Нипочём скитальцу град и грозы.

Старый я — вдовец и волокита.
Сердце снова всем ветрам открыто.
Позабыв о юности стыдливой,
Стал отчаянным и шаловливым.
Однаво живём! Пусть Бог простит нам,
Отдадимся всласть любовным битвам!

* * *

*Рафаэлю Айзенштадту,
Президенту Международного
поэтического турнира*

Раф, дружище, девиз я нарушу!
Так мне хочется, брат. Ну, и пусть.
Эти строки, запавшие в душу,
Оба помним мы наизусть:

«И, мятеж на борту обнаружив,
Из-за пояса рвёт пистолет —
Так, что сыплется золото кружев
С розоватых брабантских манжет...»

Нам судьбина досталась такая,
Остаёмся навеки всё те ж...
Бунт корыстной орды, усмиряя,
Поднимают поэты мятеж.

И за истину бой принимая
Против войн мировых, мы — за мир,
Дружно, весело разжигая
Наш Всемирный, но мирный, турнир!

Может, губительно он безрассуден?
Ход истории не изменить.
Караванами тонущих суден
Рвётся жизнью нежнейшая нить.

Пусть глаза вспыхнут страстью бесовской
И рождается истинный стих...
Ты уж Ольге воздай Бешенковской —
Верховоду турниров былых.

Свято верила в правду и принцип,
Беззаветною страстью полна,
Смертных в сан возвела олимпийцев,
И осталась бессмертной сама!

...С той манерой — бесстрашной и броской,
Что, пленяя, волнует нам кровь,
Ах, красиво шагал с папироской —
На расстрел офицер Гумилёв!

Неподвластный ни страху, ни лести,
Презирая холуйство и ложь,
Погибал он невольником чести,
Палачей повергающим в дрожь.

Покуражилась вволю эпоха:
Стал всеобщий любимец, что враг...
Он сменил гениального Блока
Как российских поэтов вожак.

И, богатства души приумножив,
Весь отвагой и щедростью жив,
Ездил в Африку он, к чернокожим,
Светлый облик навек сохранив.

...Кто стрелять приказал? Лично Ленин?
Я не знаю о том ничего.
Пред героем склоняю колени,
Недостойный мизинца его.

26 апреля 2007

«Жестокость» поэзии?

Поэзия — тяжёлая работа.
И здесь тебя не выручит никто.
Трудись, дружок, хоть до седьмого пота,
А люди скажут всё же: «Нет, не то».

Ты можешь отмахнуться, дескать, ладно,
Подумаешь, какие знатоки...
А муза к стихотворцу беспощадна,
И не замолишь перед ней грехи.

Мне тошно от умильных славословий
И патокой облизанных икон.
А верю только в пыл и страсть Любви
Да мил суровой прямоты закон.

И всё-таки, порой, бывает горько
Почувствовать бессилие своё.
Неужто стар и немощен настолько?
О, к чёрту безнадёжное нытьё!

Страдай и понимай, что, зря измучаюсь,
Ты породил столбцы бессильных слов.
Такая суждена, наверно, участь —
Не сотрясай величие основ.

Пускай всё станет беспощадно ясно:
Не можешь, значит, просто не берись.
Поэзия пленительно прекрасна.
За постиженье красоты — борись!

Нет, сам я никого не поучаю,
Не создал горделивых образцов.
К самооценке трезвой призываю
Иных высокомерных молодцов.

8 октября 2007

Не пойду в ресторан и на танцы...

Не пойду в ресторан и на танцы...
Да и службу знакомств обойду.
Макияж на морщинки для глянца
Я, ей-ей, отродясь не кладу.

Не приучен к любовной охоте,
Дон Жуаном не стану уже.
Как знакомился я? На работе
Находил тех, кто мне по душе.

Что ж, достиг пенсионного стажа...
Отгулял я положенный срок.
Не напудрен и не на помажен...
Стал не нужен и одинок.

Где же чувства пьянящего завязь,
Где же счастья пленительный цвет?
А в меня, было дело, влюблялись
За стихи и за крепкий хребет.

И сейчас я, ей-богу, вынослив,
И за пояс заткну кой-кого.
Пусто, пусто... А что будет после?
Я не ведаю ничего...

3 сентября 2006

Бродяга

Может, я кому-то интересен,
Словно блеск бенгальского огня?
Сочинил венок стихов и песен...
Только нет любимой у меня.

Нет одной единственной, сердечной,
Что понять умеет сразу суть,
Самой искренней и человеческой...
Стою ли я сам её? Ничуть!

Надо мною чёрный ворон кружит,
Над шальной удалой головой.
И по мне, увы, никто не тужит,
Не скучает милая за мной.

Да и что хорошего в бродяге,
Любящем заваяться чуть свет?
Нет во мне особенной отваги,
Нет ума и смысла, право, нет.

Кто ж меня такого приголубит,
Кто поверит в доброту мою?
Да шальной, поверьте, крепко любит
Славную подруженьку свою!

5 сентября 2006

* * *

Надоела моя похвальба,
В ней — бессовестное кощунство.
Как во время чумы — гульба,
В пору траура — пьяное буйство.

О, не верьте весёлости той!
Это — смех сквозь незримые слёзы,
Безнадёжно затеянный бой
И закрывшие солнышко грозы...

Как я мог, знавший беды и боль,
Вспышки подлой и мстительной злобы,
Сыпать в раны страдающих соль
И забыть про зловещий Чернобыль?

12 сентября 2006

Израильтяне поют «Катюшу»

Эта песня знакомая — в душу
Залетела, как на ветерке...
Запевают солдаты «Катюшу»
На неведомом мне языке —

На иврите, а, может, — английском
Подхватили сердечный мотив,
Что родился в просторе российском
И второе столетие жив.

Ах, солдаты в израильской форме,
Что вы думаете сейчас?
Не «катюши» ли в огненном шторме
Устремлялись в полёте на вас?

Неужели вы сразу простили
Эту адскую, жуткую смерть?
Я в такое поверить не в сила.
Вам подумать о том — не посметь.

Но, как дружно, как дружно евреи —
Все, кто в зале большом собрались,
Подпевают, от радости млея,
Песню ту, что про счастье и жизнь!

Люди, люди! Мы всё-таки братья,
Хоть враждуем порою — века.
Виновата ли девушка Катя
В том, что милого любит дружка?

И вовек торгашам не простится,
Что, стремясь заработать деньгу,
Те ракеты они за границу
Продают... честь и совесть врагу!

Бизнес рад барышу без разбора...
Чистоганом платите ему,
Сея горе, растерзанных горы...
Это непостижимо уму!

16 сентября 2006

Бавария чтит павших

Мюнхен — гнездо изуверов-злодеев...
Гитлер в пивнушках был главный герой.
Ныне здесь славят военных-евреев,
Павших на первой войне мировой.

Странная эта, на взгляд мой, картина...
Кайзер, учили нас: милитарист.
Фюрер-ефрейтор был храброй скотиной —
Тренировался убийца-фашист.

Что же вы сделали, братья-евреи,
Став патриотами здешней земли?
Кто вам дурман агрессивный наваял?
Впрочем, иными вы быть не могли.

Стала Германия родиной вашей,
Подвигов прежних священен реестр.
...Ныне на кладбище чествует павших
Гордо печальный военный оркестр.

С вами сходились, исполнены веры,
В бой рукопашный, мешая ряды,
Наши георгиевские кавалеры.
Там среди русских бывали жида.

...Резко команда звучит офицера.
Гулко гремит барабанная дробь.
Преданность долгу... Солдатская вера...
Судьбы людские сшибаются в лоб.

Ноябрь 2006

Старый Новый год

Зачем он нужен — Старый Новый год
На стыке взрывчатых времён, эпох, религий?
Не знаю сам. Но он в сердцах живёт
В наш век прекрасный, злобный и двуликий.

Ах, я-то помню, чем я дорожил
И с кем встречался в те года былые,
Кого любил, с кем враждовал, дружил...
Вы живы ль? Отзовитесь, дорогие!

Не важно, что я значу в этот день
Для вас, которые теперь уже далече?
В любой судьбе мелькают свет и тень,
Никто из нас ни добр, ни зол, ни вечен.

И в этот день мы всякого простим,
Помянем каждого, подняв безмолвно чарки,
Поскольку путь наш неисповедим,
Как Млечный путь, туманный и неяркий.

А дальше будем жить, как повелось, —
В быту, в извечной суматохе душевной.
И, может быть, в душе убавим злость
И станем чуточку великодушной.

Февраль 2004

Праздно любопытствующим

Что видим в слякоти, постылой сырости?
Кому в тяжёлый час мы впрямь нужны?
Поэт — не нищий, не ищет милости.
Лишь добротой люди сильны.

Я одиноко пью, кончая ужин...
Сам объявлю себе приговор.
Я знаю точно, кому я нужен,
И кто не видит меня в упор.

Ну, что ж поделаешь, простите люди.
Я никому из вас — не сват, не брат.
И счёты вздорные сводить не будем.
Ни я, никто из вас — не виноват.

Простим обиды, простим злословье.
Простим приятелю или врагу.
Я пью з ваше, люди, здоровье.
А я — проверенный и пить могу.

Мы откровенничаем не часто,
А так — при случае, Бог знает с кем.
Я выпью, люди, за ваше счастье,
За снисходительность. Всегда. Ко всем.

Но я-то сам — неисправимый.
И вы, возможно, таковы.
Мы беспредельно, остро ранимы,
Подвластны мненью людской молвы.

А чувства добрые наплывают
Накатом тёплой летней волны...
Кому я должен, я всем прощаю!
А вы, ей-богу, мне не должны!

Не бейте птицу в упор на взлёте.
Забудем сказанное со зла.
Вы ничегошеньки не поймёте...
Зачем вникать в чужие дела?

Великодушным быть не умея,
Не скажешь сам себе: «Остановись!»
Невольно я становлюсь добрее,
Когда неласкова со мною жизнь.

Прекрасна вечно одна природа...
И в ней воистину — благодать.
Давайте радоваться свободе.
Свободу незачем обсуждать.

Мяжки пейзажные переливы —
Там — светотени, там — блеск и мрак...
Ну, а погода к нам справедлива,
Щедра и мстительна просто так!

Норвегия, июнь 2003

Перекличка через десятилетия

Бессонница в грозовую ночь

Памяти Г. Медведовской

Первая любовь в студенческие годы, сталинские времена... Девушка доверила мне тайну, я поклялся молчать. Она была полукровкой, отец — еврей, первый секретарь Орского горкома партии на Урале, расстрелян в 37-ом; по воспоминаниям девочки, яркий человек. Мать — украинка, преподавала в нашем университете, скрывала, что была замужем за «врагом народа», исключена из партии. Вместе с семилетней дочкой бежала на Украину, где работала и училась, стала доцентом в Киеве. Хотела ли мать, Татьяна Васильевна Косма, чтобы дочь повторила её судьбу, выйдя замуж за еврея? Наверное, и Гаина этого страшилась. Мы расстались. Оскорблённый, я больше полувека не пытался повидаться с ней. А стихи, посвящённые некогда любимой, печатал в своих сборниках. Тайну, доверенную мне, хранил, даже самым близким о ней не рассказал. Хотя теперь, какая это тайна? И вот узнал: Медведовская ушла из жизни пять лет назад, (хотел подарить ей новый сборник избранных стихотворений, да опоздал). И раскрываю давнишний секрет.

Перезрелый осыпался колос...
Странно мне непреодолимо:
У тебя — затуманенный голос
И певучее имя — Гаина.

Я не знаю — колосс или колос
Осыпается неотвратимо?
...А грозы громахающий голос
В ночь ворвался непобедимо.

То, что было со мною, — страшно.
Да судьбою я не напуган.
А твой голос, почти бесстрастный —
Голос недруга или друга?

Ты полна таинственной силой,
Неразгаданная загадка.
И такой удалась красивой,
Резко вспылчивою и сладкой.

Бродят мысли бессонно-шаловные —
Отблеск молний и отсвет страсти.
Вправду ль волосы чёрно-стальные
Возраст в белый цвет перекрасил?

Как любил я тебя, родная!
Как ты пылко меня любила!
Яркой юности след растаял...
Не вернёт никакая сила.

Ах, как нас измучили ссоры,
Глупо сделав навек врагами.
Отчуждённыя выросли горы,
Пропасть вырыта между нами.

Гневно гром низвергает пророчества,
Нанося вслепую удары.
И, признаться, мне очень хочется
Защититься от одиночества,
От ещё неведомой кары.

И в ночи, грозовой и ветреной,
Говоря бессвязные речи,
Захотелось вот так — немедленно
Обнимать дорогие плечи.

Я, конечно, нескладный увалень,
Отставной лихач-выпивоха...
О несбыточном горько думаю:
Изменить бы круто судьбу мою,
Сделать вечер жизни эпохой...

1951 – 2006 .

* * *

Жизнь моя тобою так светло согрета.
На душе – веселье с дрожью пополам.
Ты дала мне столько радости и света,
Что тебе вовек я столько не отдам.

За твоих ли глаз задумчивую прелесть,
За крутые дуги вскинутых бровей,
За вечерний сумрак, трав зелёных шелест
Я в тебя влюбляюсь всё сильнее, сильнее...

Июнь 1950

* * *

Когда любовь насквозь тревожна,
Врагами сделать вас грозя,
Когда уж с нею невозможно,
А без неё – никак нельзя.

Тогда не спрашивай, не сетуй
И не рассказывай друзьям,
Не жди участливых советов...
Тогда решай и действуй сам.

Когда ты полон злобы лютой
И на душе — обид следы,
К ней повернись спиною круто,
Уйди, чтоб не было беды.

Горька суровая закалка...
Но, если даже иногда
Тебе чего-то станет жалко,
Не будет стыдно никогда.

1953

* * *

А теперь — мучительно стыдно...
Проклинаю твёрдость мою.
И в дурмане — ни зги не видно...
Ты скончалась в дальнем краю.

Пережив лихие утраты:
«Где любимая»? — говорю.
Ты, родная, не виновата.
Одного лишь себя корю.

Ничего не смог переделать,
Знай, упрямо «линию гнул».
А сейчас грозой ошалелой
Пробуждаюсь... к вечному сну?

Июль 2006

Вот и ветер осенний подул...

Вот и ветер осенний подул,
Золотясь, облетают каштаны.
Острой свежестью в душу дохнул
Запах стылых дождей и туманов.

Разругался я крупно с тобой,
А всерьёз в эту ссору не верю.
Как мне жить без тебя, дорогой?
Я не выдержу эту потерю.

Знаю, знаю: по свету давно
Непутёвая песенка бродит,
Что влюбляться весной, дано,
А под осень влюблённость уходит.

Кто мне скажет, что я ослеплён,
Дерзкий вызов той песне, бросаю?
В октябре я, как мальчик, влюблён,
А влюбился — в цветении мая...

Октябрь 1951

В лесу

Пахнет воздух смолой сосновой.
Меж деревьев — просветы редко.
Я иду, молодой, здоровый,
По хрустящей хвое и веткам.

Кружевные тени ложатся.
В чаще — сумрачная прохлада.
Я в лесу не привык бояться,
А меня бояться не надо.

Как приветлив, певуч и тонок
Посвист ветра в верхушках сосен!
И я радуюсь, как ребёнок,
С плеч дела суетные сбросив.

Птицы в небе щебечут звонко.
Я нечаянно спотыкаюсь...
А иду к любимой девчонке
И не знаю, что с ней расстанусь.

1952

* * *

Я свисту ветра песней подпою.
Меня туман осенний разогреет.
Гони, лихач! Шальную грусть мою
Лишь только вихрь отчаянный развеет.

В холодной мгле растает жизнь моя...
Я пронесусь, беспечный и весёлый.
Неси меня в далёкие края
Под стук копыт и конский храп тяжёлый!

1946

Прощание с мальчишеством

Может, тайна здесь необъяснимая?
Ты пришла неожиданно и непрошено.
Я ещё не звал тебя: «Любимая»,
А уже назвал тебя: «Хорошая».

Вышла вдруг интрига невесёлая:
Показалось, что сердечно нравится
Та, другая... Мне кружила голову
Взбалмошная гордая красавица.

Поздно догадался, что не нужен я,
Обречён на зряшные страдания...
На вечерней улице завьюженной
Я напрасно ожидал свидания.

Нам былые промахи не спишутся...
Но хочу принять я чувство новое,
Как прощанье с собственным мальчишеством,
С маятой бродяжкой непутёвою.

21 марта 1954

Возвращение

Д. Х.

Двери скрипнули тоненько-тоненько,
Я стараюсь тебя не будить.
А сквозь ставни на гладь подоконника
Солнце бросило жёлтую нить.

У меня сапоги запылённые,
За плечами — дорожный рюкзак.
Ну, и рад же я в утро студёное
Воротиться негаданно так!

Светит ласково раннее солнышко.
Ночь была холодна и темна...
Сладко спит моя милая жёнушка,
На ребёнка похожа она.

Нам неведомы беды грядущие,
И пока ещё счастливы мы.
Прочь вы, демоны зла вездесущие, —
В царство ада, несчастий и тьмы!

1954 - 2006

Горькая чаша

Притворюсь, что весел и спокоен.
Стану водку пить в единый дых...
Сын мой, добрый свет мой, знаешь, кто я?
Я — хитрец, оставшийся в живых.

Я тебя жалел, сыночек, редко:
Птенчика приравнивал к орлу.
... Будто я послал тебя в разведку,
А вот сам, подлец, сижу в тылу.

Отрешённо я живу на свете...
Ты прости меня и пожалей.
Так давно тебя со мною нету,
Ну, а мне справляют юбилей.

С новыми ль друзьями в разговоре
(Посторонним тут и дела нет),
Столько лет храню я это горе,
Как большой, мучительный секрет.

И откуда жить остались силы,
Если жизнь — почти самообман?
Весь ты был изящный и красивый,
Ну, а я — стареющий мужлан.

И зачем я требовал когда-то
То, что было свыше сил твоих?
Я ль виновен, жизнь ли виновата
В непомерных строгостях своих?

Ну, какая в том моя заслуга:
Я — матёрый, видно, был сильней.
Как же не понять родного, друга?
Ты прости меня и пожалей.

Я бывал и добрым, и суровым,
Мой упрямый мальчик, боль моя.
Мне казалось, ты растёшь здоровым...
Как же горько просчитался я!

Где ж я просмотрел и где споткнулся?
Злой недуг, нежданная беда...
Ты ушёл — и больше не вернулся
Никогда, любимый, никогда.

1997

Первая книжка стихов...

С виду — попросту скука серая:
Физкультура жалкая, лёжа.
Стиснув зубы, упрямо делаю
Упражнение одно и то же.

Папку тонкую выжимаю я.
Боль в лопатки вонзает когти.
Сколько яростного отчаяния
В том, как я разгибаю локти!

И лежу я, парализованный,
Сам не знаю, смогу ли выжить?
Как солдатик мобилизованный,
Придвигаюсь к врагу поближе...

Только ждёт хвороба, чтоб дрогнул ты,
Ей отдался, молча, на муки...
Почему ж они полусогнуты,
Занемелые эти руки?

Взгляд туманит слезой непрошенной,
И дыханье сбито одышкой.
Я лежу со ртом перекошенным,
Выжимаю рукопись книжки.

Но ещё поводья не брошены...
Спор идёт о доле счастливой.
Дым... Корчагин верхом на лошади
На скаку склонился над гривой.

Сабля к бою яростно вскинута.
Нету страха в глазах парнишки...
Вижу: руки прямые сдвинуты...
Так я «выжал» первую книжку.

1956

Туманное видение

Параличом тело разбито,
Ни рук и ни ног не поднять мне.
Втянуло меня, как магнитом,
Во впалую сетку кровати.

Лежу я, болезнью распятый,
А сердцу и больно, и странно.
Белёные стены палаты
Мне кажутся белым туманом.

Как будто забрезжил неярко
Рассвет над речушкою синей...
И чудится мне, на байдарке
Плыву я, здоровый и сильный.

Щекочущий ветер ласкает...
Веслом загребая упруго.
И твёрдые мышцы вспухают
Под кожей, натянутой туго.

Эх, плавно скользит плоскодонка,
Узка и проворна по-щучьи.
И хочется в нынешней гонке
Стать всё-таки первым и лучшим!

Весеннее солнышко нежит...
Приятная вроде работа.
Но, если б вы знали, как режет
Глаза от соленого пота!

Легки пустотелые судна.
Бурлящие всплески — венцами...
Ах, если б вы знали, как трудно
Тягаться в заезде с гребцами!

...Полвека спустя — старым дедом
Я взялся, как прежде, за вёсла.
Мне ныне не светит победа
Средь хлопцев, красивых и рослых.

И снова я счастлив. Не чудо ль?
И песню мурлычу негромко.
Как смолоду, дерзкая удаль
Зовёт и призывно, и звонко.

1956 – 2007

Необузданный...

Санаторный корпус деревянный:
Чистота, уют и пресный корм...
Только я какой-то балахманный —
Лезу в море в пятибалльный шторм.

Пусть вода вздымается горою,
Пусть ревет стихия: «Покор-р-рись!»,
Жить хочу, но не любой ценою;
Жизнь люблю, но не любую жизнь!

Я навстречу белым гребням двинул
По прибрежным рухнувшим волнам.
С головой накрыло, хлещет в спину
Пена с крупной галькой пополам.

Испытать такое не хотите ль?
О, шипучий яростный напор!
Словно пеной бьёт огнетушитель,
Спрятанный в глуби придонных нор.

Не искал я заграничной визы,
Чтобы покупать заморский хлам...
И меня немислимо унижить
По каким-то вздорным пустякам!

Санаторный корпус деревянный:
Чистота, уют и пресный корм.
Только я какой-то балахманный,
Рвусь душою в развесёлый шторм...

1969

Памяти поэта

Н. Анциферову

Мне осталась карточка — и только:
Глаз твоих задиристый прищур.
Вот и нет тебя, насмешник Колька,
Добрый и жестокий балагур.

Вышло так, что в памяти нетленно
Образ твой останется навек.
А считал я: ты — обыкновенный,
Маленький и грешный человек.

Но серьёзный в самой главной сути,
Разгадал ты творчества секрет...
Крепко вырос ты в Литинституте,
Стал глубоким, крупным, как поэт.

Был всегда моей стихией город,
Мир интеллигентных новостей.
Ну, а ты, брат, вышел из шахтёров —
Работяга до мозга костей:

«Я работаю, как вельможа.
Я работаю, только лёжа.
Не для каждого эта честь:
В узкой лаве ни встать, ни сесть».

Ах, как надоело скрупулёзно
Взвешивать мне качества свои...
Колька, встань неистово и грозно,
Прямо в душу, дорогой, взгляни!

Грезились нам молодость без края,
Громкая известность, бурный взлёт...
Оттого я с болью вспоминаю
Твой, брат, преждевременный уход.

1960-е годы

Надоело журналистам...

Надоело жёлтым листьям
Опадать под шум ветвей.
Надоело журналистам
Быть лишь рупором идей.

Пожелтевшие газеты,
Как осенние листья...
И отправят их в клозеты...
А куда подашься ты?

Да туда же и отправят,
Больше некуда идти.
И осудят, и ославят,
Мол, избрал не те пути...

Будто всем корреспондентам
Был свободный выбор дан:
Стать отпетым диссидентом,
Получая по зубам,

Или с тем же мордобоем,
Верно партии служа,
Добывать зарплату с боем,
Жить на острие ножа,

Ох, уж нетушки, увольте,
Эти службы не по мне.
Снизойдите, соизвольте
Вникнуть в жизнь мою извне...

Надоело жёлтым листьям
Опадать под шум ветвей.
Надоело журналистам
Быть лишь рупором идей...

1972 – 2006

Монумент крестоносцу

Поднялась ввысь угрюмая химера.
И тусклый взор не меркнет ночь и день...
Зловещий крест, как символ злобной веры,
Простёр свою карающую тень.

Та вера — милосердная сегодня.
И муки принял за людей Христос.
Но ради гроба этого Господня
Безвинной крови столько пролилось...

1946 – 2006

Рассеянный

Из вокзала с горькой досадой
Вышел ты, в бумажнике роясь.
Ищешь нечто пристальным взглядом:
Не хватает рубля на поезд.

Хоть кричи в таком положении,
Дескать, добрые люди, сжальтесь!
...Залегли голубые тени
На покато влажном асфальте.

Шаришь в левом кармане, в правом...
Что-то выронил. Глянуть страшно:
Затерялся в листе шершавой
Жёлтый, сморщенный рубль бумажный.

А листы горят, шевелятся
В бледноватом солнечном свете...
Ух, какое кругом богатство!
Как ты этого не заметил?

1953

На заре

Вей, ветер, вдоль речного плёса!
Пришёл сюда рыбак чуть свет.
Висит крючок, как знак вопроса,
Мол, будет рыбка или нет?

Ах, рыбка будет ли, не будет...
Но как приятно в сентябре
Прохладный ветер кожу студит,
И солнце светит на заре.

И подтверждая ликованьем
Улов и первый свой успех,
Как будто знаком восклицанья
Он вскинет удочку наверх!

1953

Всерьёз — о глупце

Не остроты хлёткие на языке...
Умиляться ль своей добротой и тактичностью?
Хочу всерьёз говорить о дураке,
Как о социально опасной личности.

Его ублажают — спокойнее так.
Ведь прёт напролом — глаза навывкате.
А сам вообще не такой уж дурак,
Когда рассуждает о личной выгоде.

Такой и вправду не виноват
В своей же тупости катастрофической.
За глупость жалеют, её простят...
А он не прощает категорически!

Нет, не прощает людям того,
Чего не понял и выдумал, мнительный.
Он не прощает им ничего:
И собственной дурости непростительной.

И чтобы отделаться от него,
Ему потакают, дарят гостинцы...
А я раскрыл бы к услугам его
Двери клеток во всех зверинцах!

Это ж экзотика — сущий дурак...
Забава, веселье, потеха.
Пусть же будет воистину так:
Глупец — не к беде, а для смеха.

1960 - 2006

* * *

Вовеки новой обуви
Не мог я напасти.
Зовут меня особые
Далёкие пути.

О, пешие, походные,
Ритмичные вполне —
Знай, рифмы сумасбродные
Роятся в голове.

Я книг не сочинил ещё,
Да сам румян, здоров.
А от стихов не вылечишь,
Не надо докторов!

1954

Шалость оптики

В автобусе стекло искривлено...
И пассажир смотреть устал:
То деревцо как будто вырвано...
А столб змеится, как удав.

Известна эта шалость оптики,
Её секрет довольно прост.
Но виды есть похлеще всё-таки...
Машина въехала на мост.

И вот через стекло оконное
На гладь речную поглядишь —
И вся она вспухает волнами,
Хотя — безветрие и тишь.

...О застарелом безобразии
Мы говорим в который раз.
Начальник гневен: «Сколько мрази есть!»,
Вздыхает, зорко щуря глаз.

Лицо — то красное, то бледное...
И сам он дышит тяжело.
А мы глядим в глаза бесцветные,
Как в искривлённое стекло.

...Уселся в кресле поудобнее.
От ярости он «потрясён»...
И чем обман правдоподобнее,
Тем отвратительнее он!

1955

* * *

Взрослеть... На экзаменах париться...
Созреть среди сложных проблем.
Как всё-таки страшно состариться
И вдруг оказаться никем!

1970

На главной площади

По площади людной на велосипеде
Ныряю в толпе-водопаде...
Плыву зигзагами, медленно еду,
Слегка торможу, где надо.

Забавное всё-таки игрище здесь,
И мне поразвлекаться хочется:
Отдам манекену витринному честь,
Спрошу у него имя-отчество.

Пожалуй, чудилой сочтут меня
Озабоченные прохожие.
Ну, что вы, что вы, мои друзья!
Ведь вам-то не строю рожи я.

4 января 2007

* * *

Привычен ко всяческим бедам,
Смиряю гордыню свою:
Бывает бесчестной победа
И проигрыш честный — в бою.

А сам я — такой неуклюжий...
И жизнь для меня — парадокс.
В интриге — всегда безоружный.
Уж проще — борьба или бокс...

2002

* * *

Застарелой измучен обидою,
Знай, несу я её сквозь года.
И счастливым просто завидую,
Но талантливым — никогда!

Одарённости свежей порадуюсь,
Благодарен я ей от души.
А к везучим бездарностям — гадливость!
Ух, как мерзко они «хороши»!

2003

Берегитесь! Идёт повешенный...

Реальная фантасмагория

Восковые щёки, как лёд.
Синевою глаза занавешены...
По дороге, шатаясь, бредёт.
Берегитесь, идёт повешенный.

Он в холодной петле изнемог,
Передрог под ночными туманами,
Под студёным дождём перемок
И душа его плачет ранами.

Боже, боже, прости и помилуй.
Я — такой суеверный охальник...
Околдован нечистой силой.
Сатана мне, наверно, начальник.

1948 — 2006

Поминальное слово о товарище

В. Барацу

Да разве дело в том, что кто-то был хорош,
А кто-то, может быть, немножечко похуже?
...Сегодня ты живёшь, а завтра ты уйдёшь.
И след твой пелена забвения завьюжит.

Володя дорогой, ты был нам в души вхож —
Насмешкой меткою и добрым мягким словом.
И в памяти друзей, конечно, ты живёшь
Прищуром снайперским, прицельным и суровым.

В застолье щедр и в разговоре прям,
Хотя никак уж не Савонарола.
Ну, что ж, дружок, возможно, где-то там
Ты отдохнёшь. И встретимся мы снова.

Необратимо ускользает миг...
В подробности вникали мы не слишком.
Ты — умный журналист и фронтовик.
А я перед тобой — почти мальчишка.

1993

Бумеранг

Вам приходилось драки разнимать?
Мне тоже, понимаете, случалось,
Свою, осилив робость или вялость...
Однажды слабый бросился бежать,
А сильный на меня обрушил ярость.

Да, я его атаки отбивал
И ненароком дал ему по роже,
За что меня громилой обозвал
Майор, весьма решительный прохожий.

1952

Враждующим супругам

Вас легко упрекать, но невольно сочувствую вам,
Молодые супруги — с помятыми, бледными лицами.
Ваши ссоры — скандальный сплошной тарарам.
Уступать не хотите друг другу «из принципа».

В чём же так непреклонны и чем неотступно горды —
В оскорблениях ничтожных, что, походя брошены?
Как легко растерять среди дикой вражды
Всё, что было когда-то хорошего!

Что о вас ни толкуй, ни суди и злословь,
А с обидой и грустью я всё-таки думаю:
А была и у вас ведь когда-то любовь
И доверие чистое юное.

И умны, и добры, коль бываете врозь...
Мне, признаться, так хочется верить участливо:
Если б встретиться вам на беду не пришлось,
Может, жили б достойно и счастливо.

Я бы, кажется, жизнь вашу вспять повернул,
Каждый шаг и поступок заставил бы взвесить до малости.
...Кто унизил любовь и её обманул,
Жалок в том, что достоин он жалости.

1960

Перед заморозком

Тянет ветер студёный низиною,
Потемневшую воду рябит,
И она, будто кожа гусиная,
В пупырышках ознобно дрожит.

Стали волны тяжёлыми, вязкими,
Стынет кромка прибрежного льда.
Ребятишки покуда с опаскою,
Осторожно подходят сюда.

Скоро, панцирем жёстким окованный,
Пруд замрёт, погружённый во мрак.
На коньках для пробежки рискованной
Выйдет первый курносый смельчак.

Эх, была, ни была! Он раскатится,
Только хрустнет упругий ледок,
Заглядится с бугра первоклассница,
Опоздает на первый урок.

Обругают мальчишку негодного,
Дома строго накажут его.
Сорванцу просто хочется подвигов,
А выходит пока — озорство.

1953

Щебет весенней листвы

Вешними соками вздута,
Слой кожуры отогнув,
Почка раскрылась, как будто
Птичий коричневый клюв.

Створки тугие раздвинул
Первый упругий росток.
Как язычок соловьиный,
Нежный и сочный листок.

Ласковый ветер озвучил
Шёпот глубинной молвы...
Вот почему он певучий —
Щебет весенней листвы.

1955

Чистые голоса

Полдень мартовский... Небо холодное, мглистое.
Ну, а солнце проглянет на пару минут —
Как восторженно и неистово
По-весеннему птицы поют!

Это — чудо, пичуги, что необъяснимо сумели вы
На невнятном наречье пернатых так выразить чувство своё!
Воробьи залились небывалыми, страстными трелями.
Даже мягче и ласковей каркает вороньё.

А укроется солнце за тучи-лохмотья облезлые,
На мгновенье померкнет весны молодая краса:
Гаснут искры росы, не сверкают ручьи, словно лезвия.
И тускнеют волшебные голоса.

...Не желаю от сырости зябко ссутулиться!
А хочу, чтобы люди тянулись за мной,
Как в студёную пору на пасмурной улице
Ходят солнечной стороной.

1955

* * *

Подари мне, небо, утреннюю свежесть!
Подари мне, солнце, ласку и тепло.
Подари мне, море, мужество и нежность,
Чтобы это в сердце навсегда вошло.

А за всё, за это вам сулить не стану
Небыли какой-то, правду говорю.
Я за всё, за это поздно или рано
Лишь людей да землю щедро отдарю!

Так оно бывает, видно, так и надо...
Дарим без возврата, любим по добру.
Я себе ведь тоже не прошу награды
И отдам я тоже больше, чем беру!

1961

* * *

Казак я в привычном седле —
Без спеси шальной, превосходства?
...В степном разудалом орле
С собою не вижу я сходства.

Отнюдь не шикарен мой вид..
И этим я не озабочен.
«Арабский скакун»? О, звучит!
«Еврейский наездник»? Не очень.

21 сентября 2006

Вроде не слаб...

Мне снова так весело мчаться
И верить, что вроде не стар,
Дуря, собой любоваться:
Сижу я в седле, как гусар...

Да полноте, дедушка, хватит
Прикидываться молодым,
Покуда реальность окатит
Ушатом холодной воды.

Я хвост распускаю павлиний,
А силы — довольно скромны.
Я так устаю в магазине,
Пока примеряю штаны...

Ах, редко бываю в ударе.
И вялость моя, как броня.
Любой старичок на базаре
Куда расторопней меня.

И всё же никак не смущает
Почтенный мой возраст. Ничуть!
О, старость меня забавляет,
Как сказки весёлая жуть.

* * *

Забыты тревоги и беды.
Пока что не падаю ниц.
Я еду на велосипеде...
Далёк ли мой Аустерлиц?

1998

«Внучонок»

Солома-подстилка желтела неярко,
Корова мычала протяжно и глухо.
Всплеснула руками седая доярка:
«Гляди, опростается наша Пеструха!»

Сбежались на помощь соседки-молодки,
Кто бросил подойник, кто бросил скребницу.
Бывалый ветфельдшер неспешной походкой
Шагает по ферме. Куда торопиться?

Его уже загодя шёпотом лают,
И кто-то сердито вздыхает с тоскою.
А он суматошливых баб наставляет:
Достал полотенце, послал за водою.

И вдруг... Что ж он брови встревожено вскинул?
От жалости дрогнуло строгое сердце.
Кладут, словно в круглую люльку, в корзину
Дрожащее, мокрое, бурое тельце.

Малыш недохнул ещё ртом неразжатым,
И дуют в мордашку ему что есть мочи.
А он поперхнулся, чихнул хрипловато,
Губёнки забавно и жалобно сморщил.

Над ним заходила седая доярка,
Ласкает и треплет, голубит телёнка.
И крякнул ветфельдшер, сказав улыбаясь:
«Ишь, как приняла, как родного внучонка!»

1958

Величавые гуси

Все гусыни — в пушистых накидках,
Веерами из перьев трясут.
Вскинут крылья, шарахнутся зыбко,
Полохливо метелью метут.

Ходит стадо с раскачкою грузной.
Впереди выступает вожак —
В сером фраке да белых рейтузах
Проплывает красавец-гусак.

Он глядит повелительным взглядом,
И за ним на пригорок крутой,
Колыхаясь, вздымается стадо,
Как живой белопенный прибой.

1960

Осенние настурции

*Мой сад с каждым днём увядает.
Он беден, холоден и пуст.
Но пышно ещё доцветает
Настурции огненный куст.*

(Старинный романс)

Синеглазая и белокурая,
Затаенная вся в глуби,
Ты какая-то пасмурно хмурая,
Вся — осеннее утро любви.

Не согнать мне холодного инея
С этих глаз, опушённых тоской.
Целовал бы глаза твои синие,
Да смеются они надо мной.

1948

Покаянное сожаление

О, моя неподкупная молодость!
Пусть я рос, неприметен и тих,
Но пронёс неразменное золото —
С чистой совестью созданный стих.

Только проза на долю мне выпала.
Не до музыки — весёлой резвухи.
Золотые крупички рассыпаны,
Как труха из дырявой подушки.

Взгляд хмельной, будто острое лезвие.
Брови — взлёт отлетающих стай.
До свиданья, моя поэзия.
Не хочу говорить: «Прощай».

Сентябрь 1963

Загнали в угол...

Безо всякого желания,
Как солдатик на войне,
Оказался я в Германии —
Чуждедальней стороне.

Я б от слёз промок до ниточки,
Убежал бы босиком...
Из-за этой самой Виточки
Я прикован здесь замком.

Тут порядки непонятные
И немислимый уют:
Кормят йогуртами сладкими,
А работать не дают.

Здесь заботливые лекари,
И какой-то странный лад.
Эх, по-русски не кумекают,
По-немецки говорят.

Наблюдаю это с горечью,
Как нелепую игру.
Я семью оставил дочери,
И нескоро заберу.

Выбраться ко мне пытается
С малолетними детьми...
Мне бы «вышка» полагается.
Я пирую, чёрт возьми!

Чувствую себя изменником,
Незадачливым отцом.
Привезу её с мошенником —
Ловким, «сладким» подлецом.

И надолго обеспечу я
Сам себе тупую боль.
Мне оправдываться нечего:
Сам бороться соизволь.

Дочь меня никак не слушает.
Ей на помощь не придут
Прокуроры равнодушные,
Адвокат — ленивый плут.

Никому из них не верю.
Просто выбился из сил.
Но внезапно к высшей мере
Зять себя... приговорил.

Нахлебался вдоволь горя я,
Умер вор, не осуждён...
И в казённом крематории
За казённый счёт сожжён.

Эх, ловкач... Судьба-то строгая!
Ты себя загнал в капкан.
Может быть, тебе помог бы я,
Несмотря на твой обман...

Если бы хоть раз покаялся,
Я, наверно бы, простил.
Ты же, как Иуда, маялся,
Душу в дым опустошил.

* * *

...Я, о будущем не ведая,
Пил за праздничным столом,
Тешился хмельной беседою.
А судьба пошла на слом.

Февраль 1996 – декабрь 2007

Любовь и вечность

Недискуссионные стихи

Я живу, любя и удивляясь
Такту и достоинствам твоим.
И с тобой ничуть не притворяюсь,
Словно оставаясь молодым,

Потому что, к счастью, ты такая,
О которой с детства я мечтал.
Я тебя любил, ещё не зная,
Я тебя люблю, когда узнал.

Господи, прости мою беспечность!
Дорогая, мне не прекословь!
Дело в том, что я поверил в вечность,
В неизменно вечную любовь.

Скажете: «Пустые разговоры,
Быть самоуверенным грешно.
Знаем, и у вас бывали ссоры»...
Этот сор мы вымели давно!

Вот она — идиллия в квартире,
Что чужому глазу не видна.
Ты одна такая в целом мире —
Бабушка и мама и жена.

Тень сомненья, навсегда исчезни
Меж двумя влюблёнными людьми!
Иногда случаются болезни...
Но они ж проходят, чёрт возьми!

Мы живём, конечно, небогато.
Мне не даден меркантильный ум.
И когда в деньгах у нас растрата,
То любовь дороже мелких сумм.

Будь я финансистом, не поэтом,
Что стихам не ведает цены,
Я б заметил вдумчиво при этом,
Что баланс выдерживаем мы.

Сколько лет с тобой живу, родная,
Я с искусной тактикой знаком:
Ты, конечно, умница, я знаю,
Я ж — прикидываюсь дурачком.

Мудрецы, прозрейте, в самом деле!
Гейтс, Эйнштейн, Фурье и Монтеские!
Коммунизм построить мы сумели,
Но в отдельной, собственной семье.

Срок цветению есть. И к сроку — завяжь...
Так судить, мой друг, остерегись!
Мы живём, ничуть не притворяясь,
Просто счастье претворяем в жизнь.

Что-то стал я нынче говорливым
Дедушкой и мужем, и отцом...
Лучше быть немудрым, но счастливым,
Чем насквозь несчастным мудрецом!

* * *

А беда ходила где-то рядом,
И никто помочь тебе не смог.
Та любовь была святою правдой...
Смерть угрюмо подвела итог.

декабрь 2000 — октябрь 2005

В парке...

Эта трепетная старушка,
Грустно-трогательная вдова,
Вся — бесхитростная простушка
Удивляется, что жива.

В парк выходит делать гимнастику,
Чем-то кормит залётных птиц.
Верит в Бога, магии пластику,
Доброту незнакомых лиц.

И мечтает пожить спокойненько,
Опершись на чьё-то плечо...
Да ревнивая тень покойника
Ей мерещится горячо.

Понимала его натуру:
Разрушительный шёл процесс...
Применяла акупунктуру
И снимала температуру,
Как загадочный экстрасенс.

Всё давно по счёту уплачено.
Больше года живёт одна.
Только нежности неистраченной,
Как бывало, душа полна.

14 сентября 2006

Шальные вольности

Тайну храню я свято,
Славный новый дружок.
В тебе резвятся котят
Или парочка кошек.

Рад я с тобой играть,
Женщина и ребёнок:
Ротик непрочь кусаться,
Словно юный тигрёнок.

Как угадать дорогу
В страстной любовной битве?
Ты обращаешься к Богу
С трогательной молитвой.

О, моя косная дурость,
Негде мне с нею деться.
Меня посрамляет мудрость
Искреннего сердца.

Глаз твоих пылкая просинь
Светом добра согрета.
Ты — не поздняя осень,
Тёплое бабье лето!

24 сентября 2006

Одна милка далеко, а другая близко...

*Одна тучка высоко, а другая низко.
Одна милка далеко, а другая близко.*

(Из песни)

Обе милки хороши...
Кто лучше, не знаю.
Я люблю их от души,
А себя ругаю.

Ловеласом не был я
Никогда, поверьте.
Взбаламутили меня
Лукавые черти.

У любимых — ясный ум
И нежное тело...
Мрачен я, тяжелодум:
Что грешному делать?

На колени упаду
Пред Господом Богом:
Отведи мою беду,
Безвинных не трогай.

Их любви не заслужил,
Ни одной не стою.
Сладок их сердечный пыл.
Счастлив я, не скрою.

Обе любят горячо,
Искренне и верно.
А спроси их — отчего?
За стихи, наверно...

Рассудите вы меня,
Милые подружки:
Не Сергей Есенин я
И не Саша Пушкин,

Им, гулякам, Божий дар
Дарил ярких женщин...
Слишком старый я гусар
И душой застенчив.

Не пойму, куда спешу,
В странствия пускаясь?
Снова каюсь. И грешу.
И, конечно, каюсь.

Говорили про меня:
«Цельная натура».
А сгораю без огня.
Ранит пуля-дура.

И теперь живу, как тать.
Знаю, что — негоже.
Рад бы праведником стать.
Помоги, о, Боже!

Да, наверно, ни при чём
Станет голос свыше.
Долго ль быть мне лихачом?
Смерть ошибки спишет...

Ох, простите пошлый вздор.
Всё — обыкновенно.
Дорогие! Приговор
Я приму смиренно.

Не бывал я никогда
Святым богомольцем,
А считался иногда
Честным комсомольцем.

Если рад, двоих любя,
К суду приготовься...
Только грешным я себя
Не чувствую вовсе!

Та, что ныне далеко,
Стала сердцу ближе.
С той, что рядом, нелегко,
Вскрикнет: «Ненавижу!»

11 ноября 2006

* * *

Всю жизнь я — то шалый, то вялый
В работу вгрызался, как тать...
Да разве ж такой неудалый
Не вправе разок загулять?

Мой омут чернеет воронкой,
Того и гляди — засосёт.
Но песней отчаянно-звонкой
Судьба меня к счастью зовёт!

1981

* * *

О, моя немереная сила!
Где меня ты только не носила?
Силы тратились без счёта
На любовь, гульбу, работу.
До поры, до времени — сходило...

1981

* * *

Что нам годы и возраста бремя,
Если радости ценим вдвойне?
Перешли мы на зимнее время...
А душа повернула к весне!

Сентябрь 1983

Предостережение

Со здоровьем всё как будто ладно,
Не гремит над головой гроза...
Отчего ж сегодня беспощадно
Заглянула старость мне в глаза?

О, неволю такую правда:
Жизнь мне заявила, как врагу,
Рассказала попросту о главном:
Что могу и что я не могу.

Об одном лишь только не спросила,
Хищная, жестокая, как рысь:
Есть ли у меня такая сила —
Обречённым стать на эту жизнь!?

8 октября 2006

По волосам не плачу

Целый год я не был в парикмахерской.
Нечего, так получилось, стричь.
Знай, лечили «химиею» аховской...
Впрочем, не о том учтивый спич.

Исцелили. И ценю удачу я:
Лекарям — сердечные слова.
Снявши волосы, по голове не плачу я,
Ибо уцелела голова.

И скажу теперь окрепшим голосом:
Извините, мол, за простоту —
Если снова отрастают волосы,
Может, я и, как поэт, расту?

12 октября 2006

Рыбы помалкивают

Зря твердят, будто рыбы немые...
Сделан чуткий прибор такой,
Чтоб услышать сумели все мы
Рыбье хрюканье под водой.

Ах, тихоня и льстец, спасибо.
Я постиг, голубчик, тебя:
На собрании нем, как рыба,
А ведь хрюкаешь про себя!

Будто взмыл ты на дирижабле,
Вгору прёшь и карьерой горд.
У тебя же, в сущности, рабье
Послушанье — рыбье и бабье,
Что, по мне, ей-ей, один чёрт!

1957 — 2006.

Из американского блокнота

Прощание с Нью-Йорком

Никогда не видел океана.
И на этот раз не увидал.
Он укрылся пеленой тумана,
Будто рухнул в облачный провал.

А на суше, словно украшенья
Для любимой женщины моей,
Блещут золотые ожерелья —
Россыпь электрических огней.

До Нью-Йорка долетел. Спасибо.
А в пути газету почитал,
Мол, в Атлантике погибнут рыбы
И настанет мировой аврал.

Разъярилась на людей природа...
Пресса подняла истошный хай.
Навсегда, увы, уйдут под воду
Лондон, Сан-Франциско и Шанхай.

А политики заткнули уши ватой.
Им прогноз учёных невдомёк.
Говорят, что все мы виноваты.
Да, я виноват. Прости, Нью-Йорк.

Вызывают боль и сожаленье,
Как разлука с женщиной моей,
Золотые эти ожерелья —
Россыпь электрических огней.

Нью-Йорк, 6 ноября 2006

По Бродвею ли, по Уолл-стриту...

Не прошу ни у кого участия.
Мне всегда сочувствуют друзья.
Несмотря на все мои несчастья
Всё ж невероятно счастлив я,

Что пока здоров на удивленье
И полезен людям дорогим...
Пусть наивен я — в стихотвореньях,
Просто не умею быть другим!

Шесть часов шагаю по Нью-Йорку
И в коляске правнучку везу.
То цитирую по памяти ей Лорку
Или сказку про козу, про дерезу.

Всё-то она вроде понимает,
Только засыпает невпопад.
И сквозь сон улыбкою сияет...
Господи! Ну, до чего ж я рад!

7 ноября 2006

Без языка...

Не видал я никогда, к примеру, Жмеринку.
Что с того? Живу, об этом не скорбя.
А сейчас впервые прилетел в Америку,
Не открыв, закрыл её я... для себя.

Уезжаю восвояси не с победою...
По Нью-Йорку побродил — и был таков.
По-английски ни бельмеса я не ведаю,
Хоть и знаю пять различных языков:

...По-английски здесь часы надменно тикают.
И любой автоответчик тем хорош:
Коммутаторы, увы, на инглиш спикают.
Ничего, хоть расстреляйте, не поймёшь!

Не хвалюсь я заскорузлою привычкою,
Путешествую простецки, налегке.
Здесь мы с правнучкой моею, милой птичкою,
Знай, щебечем на понятном языке.

У неё учусь прилежно добродушию —
Не сердиться, если что-то невдомёк.
Лепет крохи, как мелодию, я слушаю
И гордынею своею пренебрёг.

Взор на многих знаменитых зданьях нежится,
Им со мною, непутёвым, по пути.
Ты, Нью-Йорк, дружок, прости моё невежество,
Заодно с безвестной Жмеринкой, прости.

11 ноября 2006

Неандерталец?

Стал я к старости неандертальцем —
Тёмным первобытным дикарём.
На меня указывают пальцем,
Дескать, старикана «продерём»...

Всё стерплю. Насмешки отпускайте...
Я смиренно закушу губу.
Мамонта ко мне не подпускайте...
Мамонта, ей-богу, зашибу!

7 ноября 2006

Поезд на Украину опаздывает ...

Киевская тетрадь

Лечу к тебе, моя голубка.
Сорвусь — костей не соберёшь.
Ты, дорогая, — Чкалов в юбке.
А я — в штанах, да с бабой схож.

10 марта 2007

Нерусская «тройка»

*На мотив песни
«Вот вдали село родное,
сразу ожил мой ямщик...»*

Вижу я Берлин... Родной ли?
Заблудился мой «ямщик».
Я с шальной головою
К заблуждениям привык.

А вокруг — чужие лица.
Кто-то мрачно хмурит бровь.
Мне б хоть раз не ошибиться —
Заслужить твою любовь!

10 марта 2007

Всё «просажу»!

Опять потратился. Я грустен
И утешениям не рад.
Я — в минусе. И всё же — в плюсе!
Люблю друзей — и тем богат.

Летят великие мгновенья...
Жар-птицы просверк налету.
Всё просажу без сожаленья!
И знаю: счастье обрету.

Ах, близкие мои, родные,
И ты — старинный верный друг!
Вы — по душе мне, дорогие,
И, как морзянки дальний звук,
Колёс и сердца перестук.

10 марта 2007

На станции, пограничной с Евросоюзом

Дайте тронуть мне струны гитары
Или планки гармошки простой.
Здесь меняют колёсные пары
И томителен долгий простой.

Дождик сеется — серая перхоть...
Мне бы тройку коней разогнать!
Надо е... надо е... Надо ехать!
Надое... Надоело стоять!

12 марта 2007

Пылай, душа!

Пылай, душа моя воскресшая...
И, счастья глаз не утая,
Ты снизошла ко мне, небесная,
Любовь последняя моя!

Ах, наяву ни зги не вижу я...
И погрузился в дивный сон.
Мне светит солнце ярко-рыжее.
Я снова молод и силён.

Сам знаю, что тебя не стою я —
И путаник, и сумасброд.
Сгорал падучею звездой я
И по морям скитался вброд.

Безбожник, а наивно верую
В религию — любовь мою.
Пусть мне воздастся полной мерою —
Стою у жизни на краю.

Пришла ты из романа русского.
Озарена сияньем мгла.
Не стало полумрака тусклого,
Звезда рассветная взошла.

С утра я знаю: распогодится.
И снова я — казак в седле.
О, пресвятая Богородица,
Свети надеждою во мгле!

28 марта 2007

Лихорадочное письмо: успеть бы...

Н. Ш.

Век двадцатый, минувший, железный...
Он ушёл и его не вернёшь.
Нам открылись вершины и бездны.
И в душе — возбужденье и дрожь.

А письмо от тебя — вещим знаком...
О, пронзительной истины миг!
Не стыжусь признаваться: я плакал —
Столько правды жестокой постиг!

Удалась ты и сильной, и смелой.
Лик духовный — высок, чист и лих.
Только счастья-то нет, что ни делай...
Вот пишу лихорадочно стих.

Жить нам, может быть, самую малость.
А бывали и мы — неплохи!
...Мне стихами в любви объяснялись.
И любили меня — за стихи.

Но впервой эту исповедь-повесть
Я от женщины вдруг получил.
Ты мою взбудоражила совесть,
Кровь взыграла игрой буйных сил...

Да, я помню и смолоду знаю:
Ты рабочей лошадкой была.
Под нагрузки плечо подставляя,
Бремя тяжкое честно несла.

Русских женщин молва славословит.
Признаёт, безусловно, народ:
И коня на скаку остановит,
И в горящую избу войдёт!

Ты хотела пожить бы иначе —
На весёлый и ласковый лад..
Только «кони всё скачут и скачут»,
Ну, «а избы горят и горят»¹.

И мне видится символом гордым
Твой рискованный отчаянный спорт —
Заработала в юности орден
За отважный всемирный рекорд.

Стал Чернобыль суровой проверкой
Зрелой стойкости и прямоты.
Ликвидатором-пенсионеркой
Столько лет там работаешь ты.

Ох, и смелая же, право!
А судьбина не удалась.
Приходилась иным не по нраву
И встречала, как водится, мразь...

А ни в чём ты не виновата.
Понапрасну, ей-ей, не казись.
Ты бывала, видать, крутовата..
Ну, а разве столь благостна жизнь?

Так, давай «постановим» — и точка.
Я ли, штатский, судья над тобой?
Ты была офицерскою дочкой,
Офицерскою стала вдовой.

¹ Цитата из стихотворения Наума Коржавина «Вариации о Некрасове».

Сообщу, дорогая, для справки:
Я — наездник-плебей. Вот, как есть.
Младшим стал лейтенантом в отставке
И берёг офицерскую честь.

Ты ведь знаешь: я не был красавцем,
Покорителем женских сердец.
А, порой, в меня тыкают пальцем:
Мол, «и в старости он — молодец».

Похвальба моя дёшево стоит...
Знаешь, я поклоняюсь тебе:
Не бывать мне заправским героем —
По характеру и по судьбе.

Я — дитя настроенья и лени.
Стыдно пламенно клясться в любви.
И, почтительно став на колени,
Обнимаю я ножки твои.

Не гадаю о будущей тризне...
Да и ты не печалься о ней.
Ты — крепыш. Возродим себя к жизни
Доброй верой и лаской своей!

Помереть мне, ей-богу, не страшно.
И пока не сверкнула коса,
Я бы пил и гулял бесшабашно...
А влюблённость творит чудеса!

Вижу, взгляд отчуждённо тревожен:
Насмотрелась на пьяный кураж...
Брось ты, милая: я — осторожен,
Не впадаю в губительный раж.

За тобою пойду я по следу,
Брошу к чёрту заботы, дела...
Знаешь что? За тобою приеду
И уедем, была, ни была!

Не кричи на меня: «Сумасшедший!»
Кулачками мне в грудь не стучи.
В мимолётной фантазии — вечность!
Расцелую в уста. И молчи...

12 сентября 2006

Наваждение

Н. — в день рождения

Отрицаю тревожную новь —
Не сыграть бы на старости «в ящик»...
Жду: заочная наша любовь
Станет ли наяву настоящей?

Как ни думай-гадай, ни колдуй,
Верю: жизнь нашу сделаем краше.
Может быть, всё решат — поцелуй
И объятия нежные наши?

Всё приложится: гордая честь
И восторги, и счастье без края...
Нам обоим — по семьдесят шесть...
Поздравляю тебя, дорогая!

Пусть придёт упоительный плен,
И улягутся лютые вьюги.
Ожидаю больших перемен:
Невозможно нам быть друг без друга...

Да, возникнут обиды и боль.
Жизнь без этого не бывает...
Но пускай торжествует любовь —
Удивительно молодая!

Мы былые ошибки поймём
И простим их великодушно.
Ныне — ночь. В сердце ясно, как днём.
Жить в разлуке — томительно скучно.

Как понять мне себя, наконец?
Всей душой на тебя уповаю.
Я ль — разгульный, наивный хитрец? ...
Будь здоровой и сильной, родная!

Ночь, 19 января 2007

У памятника Богдану Хмельницкому

Этот памятник, с детства знакомый,
Весь увитый зелёной листвой,
Где Богдан на коне разъярённом
На размахе застыл с булавой...

Украина в огне разметалась,
И сквозь гарь полыхавших степей
Мука смертная дыбом поднялась
В потрясающей силе своей.

Ныне веет с лугов свежий клевер...
Ветра полной бы грудью вдохнуть.
Булаве, устремлённой на север,
Вряд ли к западу сталь отогнуть.

И плечо уже в мощном порыве —
Молодецки нацеленный вихрь.
Современники — люди шальные,
Чтите пращуров гордых своих!

29 марта 2007

Киевская маршрутка

Звучит, будто лёгкая шутка,
Привычное каждому тут
Весёлое слово «маршрутка»...
Да где ж он — удобный маршрут?

Таксист — он мужик работающий,
А сумрачно зол его взгляд...
Замучен мотором чадящим
И нервной мороке не рад.

Мой город родной загазован,
А был, как ухоженный сад.
Его красотой очарован
Я жил здесь полвека назад.

О, скучною стала картина —
Какая-то серая муть...
Куда ты спешишь, Украина?
И где же твой истинный путь?

Вы мне объясните попроще,
Я смутой людской оглушён.
Оранжевой сделали площадь
Под шелест осенних знамён.

Тут речи гремят боевые.
Всё чудится правильно так...
Да белые и голубые —
Отнюдь — не команда «Спартак».

Мой город, любовью манящий,
Я помню твою благодать.
Давно отыграл мои матчи.
И хлопцам непросто играть.

Мы к подлости всякой привычны.
Но сами спросите себя:
Что ж нам — земляки безразличны?
Не дороги сердцу друзья?

Порой, в дефиците минутка...
Заботы торопят народ.
Вези, удалая маршрутка,
И, может быть, нам повезёт!

Я беды узнал и потери.
Несломленный, твёрдо стою.
И всё-таки, Киев, я верю
В счастливую долю твою!

3 апреля 2007

Дорога обратно — с пересадками

Ах, вагоны да чемоданы,
Заморочили вы меня!
Я таскаю груз неустанно,
Жизнь затурканную кляня.

Где уж тут глядеть на пейзажи?
Собеседники все — скучны.
Белый свет перепачкан сажей,
Деньги, кажется, не нужны.

Жизнь моя — игра понарошку.
Мясорубки вертится шнек...
Чемодан и вагон — матрёшки,
Втиснут между них человек.

От нагрузки валюсь, что пьяный,
Озираюсь кругом, как тать.
О, вагоны да чемоданы,
Скоро ль буду о вас скучать?

Но, однако — побойся Бога!
Вспомни, что на каждом шагу
Добровольно спешит подмога —
Груз подтаскивать старику.

Апрель 2007

Встреча с юностью

Эту ночь прекрасную летнюю
Вспомню даже в последний мой день.
Мы с тобой, как семнадцатилетние,
А ведь скоро нам — семьдесят семь.

Ты мне снилась невестою с лентами...
Женихом ли пригрезился я?
Помнишь, были мы оба студентами?
Не любовники, просто — друзья.

Упустили, наверное, важное...
Повороты судьбы не вернёшь.
Ты была беззаветно отважною,
Презирала и трусость, и ложь.

А теперь — мило, нежно и дорого
Веет звёздное небо теплом.
Бродим мы по уснувшему городу,
Как мальчишка с девчонкой вдвоём.

Речь наивная, очи прелестные...
Знай, шагаем, не чувствуя ног.
И поём задушевные песни мы
И стихи вспоминаем взахлёб.

Волоку чемодан. Что мне станется?
Я пыхтел с ним исправно вчера...
Опоздали мы к ночи на станцию,
Будем ждать, и гулять до утра.

А когда поднимаемся в гору мы,
Помогаешь нести этот груз.
Ты сильна. И характером твёрдая...
Чист и трогателен наш союз.

Ах, сирень так подсвечена лунностью
И пьяняще струит аромат.
Ныне — встреча с красивою юностью.
Верить ей я отчаянно рад!

Знаю, нас назовут сумасбродами
Люди трезвенного ума.
Это счастье — боренье с невзгодами
И сиянием пронзённая тьма!

Июнь 2007

О правоте

О, любовь — без конца и без края,
Снова в дверь постучала ко мне.
Пусть хрупка и нежна она, знаю,
Как видение в сказочном сне.

Но выиграла былая беспечность:
Миг весёлой удачи лови!
Словно в юности, верую в вечность
Бесконечно прекрасной любви.

Эх, была, ни была, ногу — в стремя!
Ты — такая, как я, наконец.
Переспорим недуги и время,
Милый друг, удалой сорванец.

Я, конечно, серьёзный — не шибко.
Ты рассеянность видишь мою.
Исправляешь сердито ошибки,
Я, как водится, их признаю.

Не терпи, дорогая, безгласно...
Ни к чему оправданий слова.
Оба мы неизменно согласны:
Что любовь, безусловно, права!

10 июня 2007

С губ слетают слова...

Может, это кому-то смешно:
Старость в юность преобразилась?
Людам диво понять не дано,
Нам такое вовеки не снилось.

С губ слетают слова, как птенцы,
Слышу нежные речи — часами...
Рассыпаются, как бубенцы,
Веют ласковыми лепестками.

Поцелуями гасим слова.
Мягко трепетны тёплые губы...
Смысл намёков угадан едва...
А вникать удивительно любо!

Исповедуясь, песню ль пою?
Это — наше открытье, родная.
Каждой клеточкой душу твою,
Говоря о тебе, осязаю.

26 ноября 2007

* * *

Бедами житейскими измучен,
Ожил я под старость, не скорбя.
Никого теперь не знаю лучше,
Искренней и ласковей тебя.

Ясный ум, особенная свежесть,
Зоркость понимания людей.
Не пойму, откуда эта нежность
В женщине отчаянной моей?

Прямота отваги непритворна.
Борешься за принципы свои...
Отчего ж пленительно покорна
Ты, родная, мне в часы любви?

Признаюсь: немножечко стесняюсь,
Понимая, ты — куда умней.
А зато ничуть не притворяюсь,
Знаю точно: я, мужик, сильнеей.

1 января 2008

* * *

До чего мне с тобой повезло!
Удивительно оба совпали.
Словно вечером солнце взошло
И открыло рассветные дали.

Но крадётся и сумрачный страх:
Может, счастье — обманное чудо?
Воссияй же мне в милых глазах
Добрый свет, словно блеск изумруда!

18 января 2008

Раёшник – о том, о сём

Свадебные частушки (с переплясом)

Ладушки, ладушки,
Я женюсь на бабушке!
Я стесняюсь, деточка,
Твой жених – прадедушка.

Балуюсь чечёткою –
Ритмикой нечёткою.
Подыграйте, лабухи:
Будут и праправнуки!

Я умом «подвинулся»:
Ой, куда ж я ринулся?
ЗАГС – не книга Гиннеса.

Век был пустомелею,
А вот сошёлся с Нелею –
Смелою, разумною...
Я – с головой неумною.

Не в помещицьею усадьбе
Мы семью обрящем.
Лучше мы сыграем свадьбу,
Чем «сыграем в ящик!»

Эх, ты моя лапушка –
Дорогая бабушка.
Что ж мы так опасливы?
А, может, будем счастливы!?

12 февраля 2007

Куда и зачем я поехал?

*(На мотив арии Лёньки из оперы
«В бурю» по книге Николая Вирты)*

Из Германии я еду,
Из Германии я еду..
Может, встречу земляка?
По невидимому следу,
По невидимому следу..
Я, видать, слепой пока?

Украинская земелька,
Украинская земелька —
Наша родина и свет.
Мне сейчас сказала Нелька:
«Погоди ещё недельку,
Погоди ещё недельку»..
Буду ждать хоть десять лет!

14 февраля 2007

Марш десантников

*«Междусобойчик»
триумвирата парашютистов*

Алеше и Неле

Полагаю, мы душою чисты,
Но шальной затронули вопрос
Три безумца, три парашютиста —
Экипаж: «А гыц ин паровоз!»²

² Велика важность, стоит пороть горячку? *(идиш)*

На мозги легла роса густая,
В голове залёг туман сплошной.
Что затеял, сам не понимаю,
Экипаж машины боевой?

Утверждён приказ Верховной Ставкой.
Кличут нас на подвиг фронтовой
Генерал и офицер в отставке
С беспредельно смелой рядовой!

Что же, «спрыснем» дальнюю дорожку..
Братски расцелуемся, друзья.
Поклонюсь я героине в ножки,
Низко-низко голову склоня.

Отчего ж так сердце пышет жаром,
Древний и разгульный антропос?
Эх, поддам я, как сумею, пару
Поезду «А гыц ин паровоз!»

Пить-то я могу за стопкой стопку.
А чего другого — кое-как..
Бросьте вы негожего — хоть в топку
Или на ходу — в любой овраг!

Струны сердца без опаски тронем,
И мотив известный повторим,
Дескать, и в воде мы не утонем,
И в огне мы тоже не сгорим!

24 февраля 2007

Всё запомнила и... совсем забыла

О восторженной экскурсантке-сочинительнице

Я обменялась мнением с коллегами...
Ведь я — восторженный человек.
Напоминают горы Норвегии
Про пионерский лагерь Артек.

Поверьте, это крайне волнительно:
Вот сосны высятся. А там — овраг.
У фьорда видится восхитительно
Медведь-гора или Аю Даг.

О, сочиню я ещё немало,
Наполню радостью сто сердец.
Ведь я пока что не описала
Коров, баранов, козлов, овец.

Они от счастья ещё сомлеют
Или заблеют, как дружный хор,
Когда поэзией повеют
Пахучий выпас и скотный двор.

И горевать об этом не будем,
Что как-то выветрилось из головы —
Совсем про вас я забыла, люди...
Ау! Откликнитесь! Где же вы?

Июль 2003

Моей крестнице — новорожденной

Алёнушке

День рождения мамы и сына, и дочки
Мог совпасть только в плановой нашей стране.
Это значит, что с экономической «точки»
На одних именинах семья сэкономит втрое.

Дорогая Алёнка! Будь счастлива. Пусть, как по нотам,
Для тебя, как весной, грянет ветра осеннего свист!
На крестины твои я пришёл нелегально с работы,
Я — твой крестный отец и легальный марксист-атеист.

О, чтоб пьянствовать было тебе не с руки,
Да и стал кругозор твой широким, не мизерным,
Небывало поднялись в цене коньяки
И заметно упали в цене телевизоры.

Впрочем, мы говорить о деньгах не должны...
Извини за развязную откровенность.
Человек отродясь не имеет цены!
Ты сама — наивысшая ценность!

7 сентября 1970

Новосёлам

*Люде и Вите Горбаням,
моим кумовьям, - офицеру и учительнице,
летом — труженикам пионерлагеря*

Ах, эта новая квартира
Вся — от балкона до сортира
Зовёт к борьбе за дело мира,

На подвиг и на труд,
Поскольку тяжелее фронта
Задачи полного ремонта,
Что новосёлов ждут!

Могучи наши новосёлы...
Армейской службою и школой
Они закалены.
Их не пугает перспектива
Оплаты кооператива.
Вот до чего сильны!

Когда мы летом отдыхали,
Они без отдыха «пахали»,
Себя же в лагеря ссылали...
Богатыри — не мы...

1985

Речь на банкете

После защиты диссертации о вреде курения. Спич обращён к учёному совету во главе с профессором, председателем общества трезвости. Он тоже налил себе дозу спиртного.

Вы утвердили истину, друзья,
Авторитетно, веско, непреложно.
Выходит, пить нельзя, курить нельзя.
О, господи, а что ж на свете можно?

Наверно, можно женщину любить —
На счастье, а, возможно, и на муку...
Но кто ж нам это сможет объяснить?
Так выпьем за премудрую науку!

1987

Супружеской чете — заядлым путешественникам

Ваш образ жизни видится мне странным происшествием,
Его понять я не могу никак.
Сперва затеяли медовый месяц с путешествием,
И лишь потом вы заключили брак.

2002

Азартно пьющей даме

Нас активность ваша изумляет,
А способность выпивать — вдвойне.
Нам без вас чего-то не хватает...
С вами же — хватает нам вполне!

2001

О проверке

На почте бабушка письмо продиктовала,
Об этом попросив какого-то парнишку.
Потом другого незнакомца подозвала:
«А ну-ка, прочитай мне вслух письмишко».

Смешна старушка. Но куда смешней делеяги,
Что шлют, не прочитав, служебные бумаги

1956

Разучивается песня...

Предлагают по радио песни разучивать,
Что, порою, на первой же строчке наскучат.
Видно, так рассуждают по этому случаю,
Что хорошую песню и сами разучат.

1959

Прокат прогулочной лодки

Раздумья о коммерческих ценах в ФРГ

Бывало, в студенческие годы, в советскую пору, я, гребец-разрядник, катался на лодке по Днепру бесплатно пять-шесть часов подряд, иногда — с приятной мне девчонкой. А теперь, в Германии...

Не лучше ль выпить водочки,
Расслабить тормоза?
Прокат немецкой лодочки:
Шесть евро — полчаса.

Вы что, ребята, спятили?
Такая же цена
За два кило курятины
С бутылкою вина!

В грядущее поверил бы,
Да верится с трудом.
Эх, стать миллионером бы!
Владеть бы мне прудом...

И, в справедливость веруя,
Я б лодки там держал.
За их прокат, наверное,
Тройную цену драл!

21 июня 2007

Происшествие

Сенсацию услышать не хотите ль?
Сержант милиции доставлен в вытрезвитель.
Он пьяных разнимал, потом мирил.
Потом за дружбу с ними пил.
...Они ушли нетвёрдою походкой.
А он свалился. Непривычен к водке.

1957

* * *

Ты слегка похож на Беню Крика...
И хотя довольно староват,
В ресторане выпить «на дурыку»
С нами ты всегда сердечно рад...

1996

Юбилейный спич – оратору

Д. Кисину

Ну, как воспеть оратора стихами?
Как правильно понять его дела?
Он речи начал говорить ещё в утробе мамы...
Она, заслушавшись, сыночка родила...

Ты рос в стране чудес, она звалась Союзом.
Рос в громе обличительных речей
Бывалых прокуроров-палачей...
В детсадике твоём среди погодков-карапузов,
По счастью, не нашлось сексотов-стукачей.

И взрослым став, исполненный отваги,
Шёл фехтовать со спорщиком любым...
Экспромт – в уме, ни слова – на бумаге...
Бросался в схватку – и в огонь, и в дым,
И ловко, и хитро бывал неуязвим.

Ты, брат, умён и дерзок, и... зависим,
Поскольку – тонкий и весёлый дипломат.
О, мой приятель старый, Дима Кисин,
И я, и ты, и всякий виноват...
Тост поднимаю в честь тебя. Виват!

2004

Странная исповедь-мадригал

Навеселе в Татьянин день

Я мог бы стать, я мог бы стать, наверно, математиком...
Стал журналистом-литератором, ах, ах...
Но все мои, но все мои попытки стать прагматиком
Почти всегда, почти всегда терпели крах.

Со мною молодость давным-давно прощается...
И память, словно хмель, туманит очи мне...
А дифирамбы у меня не получаютя,
Мои наивные восторги не в цене.

Я опьянён, видать, мелодиею странною...
И что мне времени безудержного бег?
Не обязательно любовь зовут Татьяною...
Свою любовь стихийно ищет человек...
Своей особенной, немислимой, нежданною,
Своей звездой он озарён навек.

Искрится Млечный путь тропой туманною,
Загадочен его волшебный свет...
В нём есть Галактика, её зовут Татьяною,
Хоть в астрономии таких названий нет.
Божественен тот звёздный самоцвет!

2002

Советы заядлому купальщику

Хочешь плавать на Изаре?
Тренируйся в скипидаре.
А зайдёшь купаться в Темзу,
Захвати с собою пемзу.

В море голубом испанском
Воду освежай шампанским.
А рассол-коктейль балтийский
Разбавляй лишь чистым виски.

Возвратись домой здоровым,
Закалённым и суровым.
После этих испытаний
Искупайся с мылом в ванне.

2003

Кандидату в кандидаты

Нигде не зачислен по штату —
Учёный, писатель, худрук,
Считаешь себя кандидатом
В ряды кандидатов наук.

Всеядно глотающий разом
Премудрости всякой тома,
Воротишь ли собственный разум,
Набравшись чужого ума?

О, правду принять приготовься,
Пойми беспощадную суть:
Того, чего не было вовсе,
Никак невозможно вернуть!

1954

Король и пешки

БАСНЯ

На шахматной доске Король был выше всех,
На голове дубовой — колышек обтёсан.
Был близок Слон к нему, ходивший без помех
Диагоналями, на встречных глядя косо.

Но с их величеством не ладила Ладыя.
Она была и крайней и прямолинейной,
Держалась вдалеке от Короля
И не терпела партии ничейной.

Лощёный властелин держался важно, чинно.
Сам делал недалёкие ходы,
А, будучи порядочной дубиной,
Он пешек презирал, как стадо мелкоты.
И наводило на него тоску,
Что с ними он поставлен на одну доску.

И вот неважная сложилась обстановка:
Сбит Слон, а сам Король сбит с толку —
Куда ни сунется, а шах грозит везде.
От роковой беды спасла бы рокировка,
Но растерялся он в беде,
От пешек собственных отстал,
А кто ж его спасёт, коль сам он спасовал?

И перед вражьем пешим строем
Один на поле шахматном — не воин.
Король метался — то вперёд, а то — назад.
И получил от пешек мат.

* * *

Смешны неумные потуги самодура...
А многим причиняет вред и боль,
Когда никчемная, но крупная, фигура
Пытается играть большую роль.

1954

Кому где работать?

БАСНЯ

Козёл учился на животновода,
Умел пасти овец,
Набил копыта в трудных переходах...
И, наконец,

Пора козлам, бобрам, енотам —
Студентам разношерстным — на работу.
Вот собралась комиссия в субботу,
Чтоб поскорее выдать назначенья
И отдохнуть спокойно в воскресенье.

Решили сходу массу дел...
И вдруг Бобёр не захотел
Поехать строить на реке плотину —
Ведь брёвна портят мех и спину.

А у Бобра протекция была —
И сплавить на реку задумали Козла.

Да тот упёрся поначалу —
Строительства не изучал он.
«Ну, что я, — тряся он от возмущенья, —
Уж не козёл ли отпущенья?»

Но всё же день-другой прошёл,
И согнут был в бараний рог Козёл.
Пришлось поехать, хоть работа нелегка.
...А толку будет от Козла, как — молока.

1953

Памятка «беспутёвочному» туристу

В поход туристский уходя,
Усвой дорожные приметы:
Бывает туча без дождя,
Бывает касса без билетов.

Иди в дорогу налегке:
В степи, горах или на водах
При «пятибалльном» ветерке,
Считай, отличная погода.

Держись уверенно всегда —
Без суматохи бестолковой.
А ведь с путёвкой иногда
Турист бывает непутёвый.

1954

Случай в пути

Из народного юмора

Поезд в гуле перекатном
Мчит из Харькова в Баку.
Обратился деликатно
Пассажир к проводнику:

«Мне немножечко неловко —
Сплю ужасно крепко я.
 Попрошу на остановке
Ночью высадить меня».

«Ну, а если я спросонья,
Может быть, упрюсь ... слегка,
Вы со мной не церемоньтесь», —
Просит он проводника.

Всё условлено как будто.
Пассажир улёгся спать.
А глаза протёр лишь утром.
Ох, и стал же он кричать:

«Это что ещё за шутки,
Издевательство в пути?!»
И проводника за грудки
Стал нешуточно трясти.

Громогласно чертыхаясь,
До предела разъярён,
О ступеньки спотыкаясь,
Покидает свой вагон...

Поезд скорость набирает.
Сам собой вопрос возник:
«И за что он вас облаял,
А, товарищ проводник?»»

«Это — что? Ругал не очень», -
Проводник, вздохнув, сказал. —
«Тот, кого ссадил я ночью,
Вот, действительно, ругал!»»

1956

Семейный переполох

БАСНЯ

У чёрной Курицы-хохлатки
Вдруг появились белые цыплятки.
Подобным фактом озадачен был Петух.

А тут ему соседка нашептала:
«Ты ей — под масть. Откуда ж белый пух?»
И вот Петух потребовал развод.
А Курица навзрыд ревёт.

Короче: дело вот как было —
Яички те соседка подменила
И муженька отбить была не прочь.
...Бывает в жизни всё точь-в-точь:

Иной «доброжелатель», как яйцо,
Глядь, анонимное подкинет письмецо.

1954

Любитель мёда

БАСНЯ

Порхал по разным лётным школам
Летун руководящий — Мотылёк,
Пыльцу в глаза пускал, бывало, пчёлам,
И трепетал, учуявши медок.

Он слыл нахлебником бывалым —
И по усам текло, и в рот перепало.
А с лёгкого его крыла
Крылатая пословица пошла:

«Когда обставишь дело ловко,
Проявишь выдумку и прыть,
То даже божию коровку
Сумеешь выгодно доить».

В каком-то важном комитете —
В одном пчелином рой-совете
Однажды Мотылёк давал накачку:
«У пчёл зимою — прямо спячка.
В аэро-клумбах прекращаются полёты,
Никто с цветов не носит мёда в соты».

От этаких критических насококов,
Как разжужжится старшая Пчела:
«Да где ж зимой цветы — на стёклах окон?
И где бы, скажем, взяток я взяла?»

«Эх, непонятлива ты, матка!
Зачем такое слово — взятка?
И есть ли смысл в подобном споре?
Нам лишь бы нашуметь о зимнем мёдосборе.

Тогда и ссуду
Я добуду
Вам.
И мы её поделим пополам.
А, если бы пчела иная возражала,
Не худо, чтоб начальство и нажало
На жало».

«Ах, мудрено вы стали говорить,
Где нам понять такие мысли?
Да вашими устами мёд бы пить
В прямом и переносном смысле.
За это
Где-то,
Может, и похвалят,
Но наши пчёлы больно жалят».

1955

Выездная редакция — на стройке

(Впечатления журналиста о дорожных ухабах)

Отпечатав листовок огромные стопы,
Так тряслись мы в машине, что аж надоело.
Методически било сидение в попы,
Словно что-то на них отпечатать хотело.

Ну, а попа причём? Ведь нигде не учили беднягу
Ни письму, ни тем паче — газетным шрифтам.
Только оттиск, порой, оставляла она на бумаге,
Но читать этот оттиск отнюдь не советую вам.

1958

Ворона и патефон

БАСНЯ

Однажды шустрая Ворона
Приобрела для патефона
Набор пластинок с пеньем Соловья.
И всех зверей немало удивила,
Когда на целый лес окрестный объявила:
«Друзья!

Желаю я задать концерт сегодня небывалый
И приглашаю всех ко мне.
Хотя обычно я пою наедине,
Но нынче я запеть пред вами пожелала».

Вот гости собрались, уселись чинно.
За сценой завела Ворона патефон,
На сцену выпорхнула, выгнулась картинно,
Раскрыла рот
И вот
Песнь полилась, как светлый ручеёк.
И всех зверей концерт увлёк.

Одна беда — ведёт себя Ворона
Уж слишком неопределённо:
То вдруг она закроет рот...
И как-то всё-таки поёт,
То вдруг откроет — и не к месту.
И песне не походят жесты.

Но льётся песнь легко, привольно —
И, в целом, публика довольна.
И вдруг Ворона онемела.
За сценой что-то закрипело,
Остановился патефон!
Зал удивлён.

Ворона, шею выгнув круче,
Глаза в отчаянии пучит,
И так, и этак кривит рот —
Всё тщетно, кончился завод.
Вороне дурно, тошно, плохо.
А в публике — повальный хохот.

* * *

Вот так иной докладчик выступает,
Чужие мысли гладко излагает,
А чуть в конспекте неполадки —
Двух слов не свяжет без тетрадки.

1951

ЛИТЕРАТУРНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Марк Хабинский родился 25 октября 1930 г. на Украине, в городке Малин Житомирской области. Вскоре семья переехала в Киев, а во время войны — эвакуировалась на Урал. В 1953-м окончил Киевский университет (отделение психологии философского факультета). Тогда же отправился работать газетчиком в Донецк, где издал свой первый поэтический сборник «Правда напрямик» (1957). В те годы его стихи публиковались в Московских журналах «Юность», «Смена», альманахе «Дружба народов», Ленинградской «Звезде», газете «Комсомольская правда», республиканских и местных изданиях Украины: журналах «Радуга», «Перець», «Зміна», «Прапор», альманахе «Литературный Донбасс». Позднее переехал в Харьков, где трудился радио- и телевизионным журналистом, корреспондентом ТАСС, издал повести «Когда веет свежестью» (1963) и «За голубым экраном» (1968). Затем наступил затяжной период бесцензурного сочинения «в стол». В 1995-ом переехал в Германию, живёт в Мюнхене. Здесь выпустил книги- «Осколки» (стихи и проза, 1998), повествование «Метеоритный дождь» (2000). В 2005 г. издал в Киеве сборник избранных стихотворений «Так что ж мы за люди?», в том же году напечатал в Мюнхене книгу прозы «Озарения... куриной слепоты». Стихи и

прозу публикует в русскоязычных изданиях ФРГ, США, России, Украины. Дважды лауреат (2003 и 2007), а также призёр (2004) Международных поэтических турниров в Дюссельдорфе (ФРГ). Член Конгресса литераторов Украины. За последние годы его стихи напечатаны в четырёх Антологиях: «Современная русская поэзия Украины «Киевская Русь» (2003, г. Киев), а также «Гул былого... Русские поэты в Германии», изданной в С. Петербурге в 2004-ом, «Киев. Русская поэзия. XX век», выпущенной в столице Украины в 2004 г. Там же издана в конце 2007 года Антология «Украина. Русская поэзия. XX век», где представлены около восьмисот стихотворцев. Среди них – Нобелевские лауреаты, классики поэзии, знаменитые и пока малоизвестные авторы. Новый сборник «Хмель ударил мне в старую голову» – восьмая книга М. Хабинского. Недавно его пригласила редакция энциклопедии «Россия» (С. Петербург) представить литературно-биографическую справку со снимком и уже утвердила предстоящую публикацию.

СОДЕРЖАНИЕ

Переключка через полвека и тысячи километров 5

Полемическая, трагическая и грустная публицистика

Прости, Украина	10
Неукротимый правдоносец	13
Пекло разверзлось.....	13
Редактору «моего» журнала	14
Запоздалая благодарность.....	15
Ноябрьская выюга.....	17
Фронтовичка	18
Вечер. Мост над автострадой... ..	20

Прости за то, что я посмел подумать...

Простодушная ересь.....	21
Вопросы без ответа	21
Непрощённый.....	22
«Путь к свету тёмн и переменчив...»	22
«Я лаконичность любил не очень...»	23
Безысходность?	23
Не оборвана тонкая ниточка... ..	24
«Не любил я недостойных женщин...»	24
«Не смягчайте чужие грехи!..»	25

Эй, старость дряблая, не ссутулься!

Лучше трудно, чем нудно.....	26
Пожалуй, рано ставить точку... ..	26

Эй, старость дряблая, не ссутулься!	27
Встреча однокашников	28
Хмель ударил мне в старую голову... ..	29
Полон я неистраченной нежности... ..	30
Поделюсь желаньем сокровенным	31
В день Победы	31
Ох, уж эти «перестройки»!	32
«Я когда-нибудь умру по плану...»	33
Не внесут моё имя в скрижали... ..	34
Исповедь наездника	34
Бойцовская гордыня	35
Маленький человек	36

ПОЭТИЧЕСКИЕ ТУРНИРЫ

Первопрестольная — не чужая	37
Мятежники.....	39
«Жестокость» поэзии?	42
Не пойду в ресторан и на танцы... ..	43
Бродяга	43
«Надоела моя похвальба,..»	44
Израильтяне поют «Катюшу»	45
Бавария чтит павших	46
Старый Новый год	47
Праздно любопытствующим.....	48

Перекличка через десятилетия

Бессонница в грозовую ночь.....	50
«Жизнь моя тобою так светло согрета...»	52
«Когда любовь насквозь тревожна,..»	52
«А теперь — мучительно стыдно...»	53
Вот и ветер осенний подул.....	54
В лесу.....	54
«Я свисту ветра песней подпою...»	55
Прощание с мальчишеством.....	55
Возвращение	56

Горькая чаша.....	57
Первая книжка стихов.....	58
Туманное видение	59
Необузданный.....	61
Памяти поэта	62
Надоело журналистам.....	63
Монумент крестоносцу	64
Рассеянный	65
На заре.....	65
Всерьёз — о глупце	66
«Вовеки новой обуви...».....	67
Шалость оптики	67
«Взрослеть... На экзаменах париться...»	68
На главной площади	69
«Привычен ко всяческим бедам,..»	69
«Застарелой измучен обидою...».....	70
Берегитесь! Идёт повешенный.....	70
Поминальное слово о товарище	71
Бумеранг	71
Враждующим супругам	72
Перед заморозком	73
Щебет весенней листвы	73
Чистые голоса.....	74
«Подари мне, небо, утреннюю свежесть!..»	75
«Казак я в привычном седле...»	75
Вроде не слаб...	76
«Внучонок».....	77
Величавые гуси.....	78

Осенние настурции

«Синеглазая и белокурая,..»	79
Покаянное сожаление	79
Загнали в угол...	80
Любовь и вечность	82
В парке...	84
Шальные вольности	85

Одна милка далеко, а другая близко.....	86
«Всю жизнь я — то шалый, то вялый...»	89
«О, моя немереная сила!..»	89
«Что нам годы и возраста бремя,..»	89
Предостережение	90
По волосам не плачу.....	90
Рыбы помалкивают.....	91

Из американского блокнота

Прощание с Нью-Йорком	92
По Бродвею ли, по Уолл-стриту.....	93
Без языка... ..	93
Неандерталец?	94

Поезд на Украину опаздывает ...

КИЕВСКАЯ ТЕТРАДЬ

«Лечу к тебе, моя голубка...»	95
Нерусская «тройка»	95
Всё «просажу»!	96
На станции, пограничной с Евросоюзом	96
Пылай, душа!	97
Лихорадочное письмо: успеть бы... ..	98
Наваждение	101
У памятника Богдану Хмельницкому	102
Киевская маршрутка.....	103
Дорога обратно — с пересадками	104
Встреча с юностью	105
О правоте.....	107
С губ слетают слова.....	107
«Бедами житейскими измучен,..»	108
«До чего мне с тобой повезло!..»	109

Раёшник – о том, о сём

Свадебные частушки (с переплясом)	110
Куда и зачем я поехал?	111
Марш десантников	111
Всё запомнила и... совсем забыла	113
Моей крестнице – новорожденной	114
Новосёлам	114
Речь на банкете	115
Супружеской чете – заядлым путешественникам	116
Азартно пьющей даме	116
О проверке	116
Разучивается песня...	117
Прокат прогулочной лодки	117
Происшествие	118
«Ты слегка похож на Беню Крика...»	118
Юбилейный спич – оратору	119
Странная исповедь-матригал	120
Советы заядлому купальщику	121
Кандидату в кандидаты	121
Король и пешки (<i>басня</i>)	122
Кому где работать? (<i>басня</i>)	123
Памятка «беспутёвочному» туристу	124
Случай в пути	125
Семейный переполох (<i>басня</i>)	126
Любитель мёда (<i>басня</i>)	127
Выездная редакция – на стройке	128
Ворона и патефон (<i>басня</i>)	129
<i>Литературно-биографическая справка</i>	131

Автор выражает признательность за спонсорскую поддержку при издании этой книги господину Аби Питуму — куратору фонда ESTHER SCHLOSSBERG STIFTUNG (Мюнхен). Он — уникальная, колоритная личность с невероятной энергией и глобальным размахом разносторонней общественной активности, — сопредседатель Всемирного Конгресса сотрудничества христиан и иудеев, профессор экономики, дипломат — Генеральный консул Монголии в Баварии, немало лет энергично содействует взаимовыгодному сотрудничеству той далёкой страны с Германией. Предприниматель и коммерсант, он непрерывно разъезжает по всем континентам, посетил свыше ста стран. И... невероятно любознателен, скромн и добр, бывает на литературных вечерах русскоязычных авторов и немецких писателей. Долг чести для него — приходиться на актуальные деловые обсуждения, общие радостные праздники (и печальные похоронные ритуалы) рядовых членов общины. Питум — мой друг. Я гораздо старше его, но не решаюсь перейти «на ты», чувствую дистанцию между моей скромной персоной и этим авторитетным человеком, которого знают и уважают премьер-министры и президенты ведущих государств планеты. Он — несентиментален. Я, кажется, — тоже. Горжусь дружбой с ним, опасаюсь быть назойливым. Огромное Вам спасибо, Аби!

Литературно-художественное издание

Марк ХАБИНСКИЙ

Хмель ударил мне в старую голову...

Стихи разных лет

Ответственный за выпуск

Ю. В. Ковальский

Художественно-технический редактор

Л. И. Ильченко

Корректор *Л. Н. Гребельник*

Верстка *А. А. Панюков*

Подписано в печать 31.03.2008. Формат 60x 84 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 8,14. Усл. кр.-отт. 8,37. Зак. №

ООО «Журнал «Радуга», 01030, г. Киев, ул. Б. Хмельницкого, 51-А.

Свидетельство о внесении в Государственный реестр издателей:
серия ДК № 1209 от 27.03.2003.

Отпечатано в типографии «Издательство «Феникс»
03680, Киев, ул. Шутова, 13 Б. Тел/факс 501-93-01
Свидетельство ДК № 271 от 07.12.2000 г.